

The background of the book cover is a digital illustration of a landscape. A dirt road with two tracks curves through a field of tall, golden-brown grasses. A large, dark tree with vibrant green, feathery foliage stands on the right side of the road. The sky is a pale, hazy blue. A semi-transparent green rectangular box is overlaid on the right side of the image, containing the text.

Вадим Николаев

Бриз

Серия: Дуновение ветра

Вадим Николаев

Бриз. Серия: Дуновение ветра

«Издательские решения»

Николаев В.

Бриз. Серия: Дуновение ветра / В. Николаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689759-5

Вечером в лесу путник находит безымянного бродягу у костра. «Кашеваришь?» — спрашивает он. Так начинается история человека, который приходит в Стародуб на пятнадцать дней — не за славой, не за платой, а просто чтобы варить уху, лечить спину и учить других быть собой. Он уходит, как ветер, но оставляет после себя город, в котором люди впервые за много лет посмотрели друг другу в глаза.

ISBN 978-5-00-689759-5

© Николаев В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Встреча в лесу	6
День первый	13
День второй	25
День третий	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Бриз

Серия: Дуновение ветра

Вадим Николаев

© Вадим Николаев, 2026

ISBN 978-5-0068-9759-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Встреча в лесу

Сумерки легли на лес. Не сразу. Сначала небо побледнело над кронами деревьев. Потом тени потянулись от стволов, как живые. Затем лес поглотил свет почти целиком. Ночь готовилась вступить в свои права, но пока, как будто, ждала.

У озера, на узкой дороге, ведущей к городу, горел небольшой костёр. Три камня по кругу. Сейчас ещё тепло ночью, так что много не нужно. Сухие сучья – сложены крест-накрест. Костёр был почти без дыма, лишь пламя чуть-чуть гудело. Рядом небольшой запас сухих веток и палок, чтобы не искать их ночью в лесу

Рядом сидел мужчина. Лет шестидесяти. Может, больше, а может и меньше. Про таких говорят, что годы их миновали. Лицо – в лёгких морщинах. Но спина – прямая. Как у солдата или кузнеца. Он был коренастый, плотный, как дубовый пень. Руки сильные, в мозолях, но при этом пальцы подвижные. Видно что ими он мог не только молот держать. Седые волосы коротко стрижены. Борода – небольшая, аккуратная, седая. Просто – чтобы не кололась. Небольшой шрам, под левым глазом. Почти незаметный, который не уродовал его, а скорее придавал мужественности. Глаза – карие. Живые. В них читалось: он многое видел, многое пережил. При этом взгляд не тяжёлый, но запоминающийся.

Он выложил на берестяную чашу тонко нарезанные коренья. Пастернак – сладковатый, плотный. Корень лопуха – горьковатый, земляной. Горсть жёлудей, поджаренных на углях до орехового аромата. Щепотка чабреца – для горечи и холода. Отвар из берёзовых бруnek¹ – в другой чаше, поменьше. На ужин и завтрак хватит. Больше не нужно.

Аккуратно снял чашу с огня. Вдохнул аромат с удовольствием. Поставил на землю. Прищурился.

Из-за прищуренных век, он следил, как из тени, между соснами, вышел человек.

Одет в добротную походную одежду. Кожаный жилет. Шерстяные штаны. Плащ – пропитанный воском, от дождя. Пояс скрыт под плащом. Но правая рука держится чуть ближе к бедру – там, где клинок. И шаг – мягкий, как у кошки.

– Не ожидал гостей, – сказал седой, не вставая.

– А я и не гость, – ответил тот. – Просто путник.

– Тогда присоединяйся, Путник. Разделим ужин. Садись. Здесь не очень много, но на двоих хватит.

Мужчина присел на корточки возле костра. Огляделся по сторонам.

– Как звать тебя, кашевар?

– А зачем тебе моё имя? Мы случайно встретились, быстро разойдёмся и, скорее всего, больше и не встретимся никогда. Хочешь, можешь называть меня Кашевар. Я не против.

– Ну тогда можешь звать меня Путником.

Путник устроился поудобнее у костра. Не близко – на расстоянии вытянутой руки. Достаточно, чтобы видеть, не тянется ли Кашевар к ножу.

Кашевар молча протянул ему берестяную плоску. Видно её сделали тут же, пока готовили простую походную еду. Береста, ивовая кора. Просто и быстро.

– На двоих хватит, – сказал он. – Ешь, пока горячее.

Путник кивнул. Взял. Понюхал. Взгляд скользнул по простому ножу воткнутому в сук возле костра, по пустой котомке, по спокойным рукам старика. Быстро, но внимательно.

Откусил. Жевал медленно. Потом посмотрел Кашевару в глаза. Впервые без оценки.

– Вкусно, – сказал он. – Брюхо не набивает, но сытно. Почти как дома.

¹ Брунька – в общем понимании – почки растений. Чаще всего используются исключительно для определения берёзовых почек, хоть это и не правильно.

- Даже в дороге нужно есть, как дома. Готовить вкусно можно и в лесу. Путник посмотрел на дорогу, ведущую к городу. Потом – на Кашевара.
- Что в лесу делаешь?
- Ночую. Утром в город пойду. Не успел за день.
- В город, говоришь?
- Да.
- Вход в город не бесплатный. У тебя есть деньги?
- Нет.
- Как тогда пройдёшь?
- Ну, через стену точно не полезу. И в чужой повозке прятаться не буду. Стар я уже для этого...
- Тогда как? Украдёшь?
- Зачем воровать? Всегда есть способы войти в город. Дойду до ворот. А там решу, как заработать на проход.
- Заработать? Ты – ремесленник?
- Нет. Но руки есть. Голова тоже.
- А если не пустят?
- Пока не дойду – не буду думать. Может меня по дороге медведь задерёт. Лес всё-таки. Хотя зверь сейчас сытый и к дороге не пойдёт. Но в пути что угодно может случиться.
- В гости идёшь? Или по делам? Или может жить там хочешь остаться. Ты вроде как не из местных.
- Жить в городе я не хочу. Проживать буду, а так он мне без надобности. Знакомых у меня там нет. Закончу дела и дальше двинусь.
- И куда дальше? Ты вообще откуда?
- У меня нет корней. Редко где долго живу. Мой дом – в пути.
- Разговор шёл не спешно. Еда остыть не успела и почти закончилась. Путник достал кусок хлеба. Разломал пополам. Протянул один кусок Кашевару. Отлил себе в походную кружку немного отвара. Макнул туда хлеб и с удовольствием откусил.
- Так это тебя нужно Путником звать, а не меня.
- Кашевар тоже неплохое имя. Ни чем не лучше и не хуже Путника. Ты сам себя так назвал. Зачем нам два Путника за одним костром? Друзья твои путаться не будут?
- Путник насторожился и пристально посмотрел в глаза старика. Тот улыбался уголками губ.
- Твои друзья могут выйти, – сказал он спокойно. – Только еды у нас уже не осталось. В лесу – ни звука. Ни ветра. Ни птицы.
- Ох не прост ты... Кашевар. С чего взял что я не один? – спросил он.
- Кашевар кивнул на озеро.
- Вода у берега – рябь от ветра. А там, за соснами – гладкая. Значит, кто-то стоит у кромки. Давно. Не шевелится.
- Потом – на ветку выше.
- Ворона села на дуб полчаса назад. Сидела. Потом вспорхнула – и улетела прочь. Не каркала. Значит, испугалась не зверя, а человека.
- И, наконец – на лес.
- Листья на осине слева трепещут от ветра. А на том, что за ручьём – стоят неподвижно. Будто ветер там не дует или мешает ему что-то.
- Очень уж ты не прост, Кашевар. Я сам обучал своих людей быть не заметными. Не шпион, часом? Дома, говоришь, у тебя нет, зачем в город идёшь – не рассказываешь. Нож у тебя – Путник кивнул на нож – тоже не простой. Вроде и не боевое оружие, но я и отсюда вижу, что сталь добротная. Не у каждого такая есть. Так кто ты такой?

– Кашевар – улыбнулся седой. – Нож я сам выковал. Давно уже. С тех пор – не расстаюсь. Больше нечего говорить. Дело – моё. Город – общий. А шпион я или нет, ты лучше знать должен. Ты ведь не простой Путник. Ходишь по лесу не один. Видно что выправка военная. Даже офицерская. Да и одежда у тебя не как у простого воина. Плащ не новый. Его уже несколько раз его правили. Но не дома женские руки, а в мастерской. Так воском натереть ткань дома не получится. А править пропитку нужно часто. И вопросы твои – не праздное любопытство. Людей своих, говоришь, учил незаметными быть. Тайная служба? Или выше?

– Всё-таки не просто так ты по лесу гуляешь... Выворачивай котомку и карманы. Посмотрим что там у тебя есть.

Он махнул рукой – коротко, вверх.

Один за другим из леса вышло восемь человек. Все – в походной одежде. Все – с оружием. Все – уставшие, но напряжённые, как тетива лука. Лица хмурые. Остановились в полукруге. Оружие обнажено и направлено на Кашевара.

– Профессионалы – сказал тот. – Ты хорошо их выучил, Путник. Ни кожа не скрипнула, ни железо не звякнуло. Только запах от них не леса, а казармы. Хоть и видно что идёте не давно. Плащи ещё не успели пыли наестся.

– Не умничай, Кашевар. Скажи лучше то, что остановит меня от того, чтобы повесить тебя на суку. Встань ровно, я тебя обыщу. – Степан, проверь его котомку и нож сюда принеси.

Кашевар стоял, слегка расставив ноги. Не двигался. Взгляд спокойный. Даже не посмотрел, как его вещи бесцеремонно вывалили на землю. Рубаха, не новая, много раз стиранная и штопанная. Такие же штаны. Кусок соли, аккуратно завернутый в чистую тряпицу. Деревянная ложка. Пять мешочков.

– Ты же говорил что у тебя нет денег – кивнул на них Путник – а это что?

– Это не деньги. Мешочки с травами: чабрец, полынь, подорожник. Чтобы еда была не только сытной, но и целебной.

Путник начал охлопывать Кашевара:

– Протяни руки. Может ты чего под рукавами прячешь – он быстро и профессионально обыскал седого, невольно отметив крепость его рук.

– Ты видишь, – сказал он спокойно. – У меня нет ничего. Ни оружия, кроме ножа. Ни писем. Ни монет. Ни тайн. Я весь на виду.

– Нож... – Путник очень внимательно его изучал. Сумерки мешали хорошо рассмотреть детали, но чутьё его не подвело. Рукоятка деревянная, старая. Видно что ножом пользовались давно, но аккуратно. – На этом ноже была кровь. Недавно. Но мяса в твоей еде не было. Ты знаешь, что охотится в лесах Барона запрещено?

– Я знаю это. И я не охочусь. Всегда достаточно того, что растёт в лесу. Это моя кровь – Кашевар закатал штанину. Чуть ниже колена была тряпица, на которой были следы крови. – Сегодня в лесу оступился и упал на сучок. Глубоко засел, зараза. Пришлось вырезать. – он аккуратно развязал повязку. Под ней была рваная рана, аккуратно залепленная сильно пахнущей зелёной кашицей. Потому и не успел до города дойти до темноты. – он показал на штаны, которые лежали в котомке. На мне те штаны были. Я ещё не успел их залатать.

Воин брезгливо взял штаны в руки. Одна штанина имела прореху и была заляпана засохшей кровью.

– Складно, ты говоришь, Кашевар. Но нож я тебе не отдам. Пойдёшь в город без оружия

– Как скажешь, Путник. С вещами нужно расставаться легко. Руки есть, я себе новый сделаю.

Путник задумчиво посмотрел на него. В глазах – не гнев. Уважение. Чем-то эти пронзительные карие глаза притягивали.

– Что-то мне подсказывает, что мы с тобой ещё встретимся, Кашевар. Только не могу понять, добрая эта будет встреча или на эшафот тебя поведу. – он махнул рукой воинам. Те

опустили оружие и немного расслабились. – Двое в дозор! Ну а с тобой, Кашевар, мы ещё потолкуем. Болит нога? Завязывай рану. Присаживайся. Всё-таки ужин у тебя был вкусный. Хоть что-то хорошее должно быть этим вечером.

– Позволишь, накормлю всех. Мы-то с тобой поели, а воины твои, хоть и закалённые, с пустым желудком спать не очень хотят, наверное. Вон у кого-то в кишках бурчит. Такие звуки у озера далеко слышно. А пока буду готовить, спокойно с тобой побеседуем. Спрашивай, что хочешь. Только в сумраке быстро коренья не наберёшь. Да и травы нужной не найдёшь. Помогут твои воины?

– Нет, Кашевар. Они воины, а не крестьяне. Не их это дело. Да и тебе нечего по лесу в сумерках ходить. Пусть и без ножа. Нет тебе веры пока. Хоть и опасности от тебя не чую. У нас есть припасы. Возьми что нужно.

– А вдруг отравит? – тихо буркнул один, стоящий у сосны.

Путник внимательно посмотрел в глаза Кашевару.

– Дозорные будут есть солонину. Отравит – останется лежать с нами возле костра. Или болтаться на дереве. Меня он уже кормил. Хотя понял кто я...

Первый воин опустил котомку у костра. Остальные последовали за ним. Молча.

Кашевар кивнул. Перебрал запасы: сушёную рыбу, кусок солонины, ячменную крупу, сухари, сушёные грибы. Взял немного солонины, горсть грибов, пару сухарей. Остальное аккуратно вернул в котомки.

– Этого хватит, – сказал он. – Остальное для ужина не нужно. Того что приготовлю ещё и на утро может остаться. Хотя похлёбку лучше есть горячей.

Кашевар разложил ингредиенты на бересте. Потом обвёл взглядом отряд.

– У кого-нибудь есть котелок? Воды нужно много. А у меня – только береста.

Воин с шрамом молча вытащил из котомки медный котелок. Поставил у огня.

– Ну и зачем ты его поставил? – спросил Путник – ты думаешь вода в нём сама появится? Или я отпущу этого – он кивнул на Кашевара – к озеру пока мы не побеседуем. Бегом за водой!

Кашевар взял сушёную рыбу.

– Жёстко ты с ними. Кости в рыбе мелкие, но острые. Кто поможет вынуть? Мои глаза уже не такие острые, как раньше, особенно в темноте – спросил он, не глядя.

Путник молча указал взглядом на одного. Тот взял рыбу и начал пальцами вытаскивать кости.

Из принесённой воды Кашевар отлил немного в берестяную чашу и бросил туда сухари, чтобы размокли.

– Спрашивай, Путник. Или мне в начале ответишь?

Путник ухмыльнулся.

– А может ты всё-таки шпион? Раз у Головы Стражи что-то узнать хочешь?

– Я же из простого любопытства – улыбнулся Кашевар. – не секреты собираюсь выведывать. Просто интересно, что отряд профессиональных воинов делает в лесу ночью. При чём видно, что не в другой город идёте, а работаете. Я несколько дней по этому лесу иду и ни одного человека здесь за это время не видел.

Он растёр между ладонями немного травы из одного из мешочков.

– Чтобы аромат раскрыть – пояснил он, заметив взгляд Путника.

– Из Заволчья это самая короткая дорога. Здесь обозы должны в обе стороны ехать. А сама дорога как заброшенная. И это место для ночлега очень удобное. Недалеко от города, вода рядом. Поляна большая. Но старых стоянок не видно.

– Сразу видно, что не местный, – сказал Путник, глядя в огонь. – Хотя, если из Заволчья идёшь, должен был слышать про этот лес.

– Иду со стороны Заволчья, но в город не заходил. Только крепостные стены издали видел. Что же здесь такого, особенного?

– Ты не знаешь этот лес. И не знаешь что тебя здесь может ждать. Особенно ночью.
Кашевар не ответил сразу. Подбросил в костёр ветку.

– Мы идём за разбойниками, – продолжил Путник. – Они не просто грабят. Они вырезают целые обозы. Оставляют тела без рук, без языков. Чтобы никто не мог ни указать, ни рассказать. По этой дороге с прошлой весны уже почти не ходит. Есть смельчаки, или дурни, которые думают что могут проскочить. Но даже хорошо охраняемые обозы в лесу пропадают. Недавно в город вернулась лошадь одного из охранников обоза. С мёртвым всадником. Четыре стрелы в спине. Лошадь раненая. Чуть-чуть до ворот не дошла. Сдохла. Всадником кто-то из родственников свиты Барона был. Тот и вскипел. Надоело ему это. Вот и послал нас.

– И вы их поймаете?

– Нет. Мы не будем их ловить. У нас другая задача. Хотя думаю, что и у нас и в Заволчье много найдётся тех, кто хотел бы им собственноручно горячего масла в глотку налить.

Помолчали. Где-то в лесу ухнула сова.

– Вот значит как... То есть вы не ловить их будете... Пусть кто-нибудь солонину порежет. Нож-то ты у меня забрал.

– Да. У нас карательная миссия. А тут ты. Один! Живой! Почти до города добрался. С дыркой от сучка в ноге! С добротной сталью! И что я подумать должен? Почему не боишься? Может ты один из них? Но нет, они всегда гурьбой. И живут в лесу. К людям не ходят.

Кашевар посмотрел на него. Потом – на остальных.

– Брат у меня, действительно нечего, – сказал он. – У меня ничего нет. Ни денег. Ни вещей. Ни прошлого, за которое можно держаться. Только нож. Был... Но с ним я без сожалений расстался.

Он помолчал.

– Когда у человека ничего нет – у него и брат нечего. А значит, и бояться нечего.

– А если убьют? – спросил молодой воин.

– Тогда умру.

– И не страшно?

– А чего бояться? Мы все когда-нибудь умрём.

Путник долго смотрел на него. Потом кивнул – как бы себе.

– Странная у тебя философия. Но понятная. Ты ничего не боишься и не думаешь «на потом». Ты, почти как мы. Только без меча – с самодельным ножом. Такие как ты, редко ходят по дорогам долго. Только у нас задача всегда есть. А что у тебя она есть?

Кашевар не ответил. Просто улыбнулся – в бороду. Бросил нарезанную солонину в кипящую воду. Потом – грибы. Потом размоченные сухари.

– Теперь – помешать...

Добавил щепотку чабреца. Понюхал.

– Почти готово. Пусть протомится ещё чуть-чуть.

– А теперь расскажи мне, Кашевар. Как я должен относиться к такому как ты, встретив тебя здесь, где живыми больше года уже никто через лес не проходил.

– Понимаю тебя. И встреча наша, после твоего рассказа, действительно выглядит странной. Кого хочешь насторожит. Но мне нечего добавить. Я просто иду в город. Да и то, не на долго. Дней на двадцать. Может меньше. Устроюсь в какую-нибудь корчму поваром. Так что воровать в городе или бузить не буду. Сделаю своё дело и дальше пойду. Может в Заволчье вернуться. А может – дальше пойду.

– Это и настораживает. Что не понятно, зачем ты в город идёшь. Но, не хочешь говорить – дело твоё. Сейчас не ты моя задача. И если мне будет нужно, в городе я тебя даже где угодно найду. Даже если ты будешь от меня специально прятаться.

– Тебе не нужно будет меня искать. Я не буду прятаться. Мне нечего скрывать. Тебе не придётся прикладывать много усилий, чтобы меня найти. Всё! Готово. Угощайтесь.

– Вы четверо-дозорные. Мы оставим вам похлёбки. Утром поедите, если ночь спокойно пройдёт. Пока хлеба с солониной поедите. Остальным – ужинать!

Оставшиеся двое, переглянулись, достали ложки и посмотрели на Путника.

Кашевар поднялся, взял свою ложку, сделал пробу. Закатил глаза.

– Как ты сказал, Путник – «брюхо не набивает, но сытно». Я думаю тебе и похлёбка понравится.

Путник достал свою ложку, отломил кусок хлеба. Опустил ложку в кипяток. Вытащил – полную солонины, грибов, сухарей. Поднёс над хлебом ко рту, осторожно подул. Попробовал.

– Ого... – выдохнул он. – Хороша похлёбка. Это действительно вкусно. Жалко будет, если отравлена и тебя придётся повесить – сказал он Кашевару с ехидцей в голосе.

– Кто первый, тому и солонина – сказал Кашевар с улыбкой. – Но если еда хороша – можно и обжечься. Налетайте, воины.

Отошёл в сторону и с удовольствием следил, как орудуют ложками молодые.

Кашевар оглядел отряд. Улыбнулся – впервые открыто.

– Ну что, ужин удался? Мы неплохо справились.

– Как у тебя так быстро и вкусно получилось?

– Голод – лучший соус. А я просто сварил похлёбку. При чём из ваших же продуктов и с вашей помощью.

Есть закончили быстро. Часть похлёбки оставили дозорным. Воины откинулись у костра, грея животы. Один точил нож. Другой правил ремень.

Костёр потрескивал. Воины начали заворачиваться в плащи.

– Первый дозор – ты и ты, – сказал Путник, кивнув на двоих у сосны. – Два часа. Потом – ты и ты. Время ведьм² – на тех двоих, что сейчас стоят.

Кашевар сидел у костра. Не шевелился. Не спрашивал.

– Ты ещё не ложишься? – спросил Путник.

– Привык думать ночью.

– А днём?

– Днём – иду. Или работаю. Попроси кого-нибудь из своих. Пусть мне воды принесут немного. И лист лопуха побольше. Только без дырок.

– Зачем тебе? – Удивился путник – Опять готовить будешь?

– Буду. Только не еду. Нужно штаны подправить. Пока кровь совсем не въелась, нужно отмыть. К утру высохнут, потом и зашить можно будет.

Путник усмехнулся. Подбросил в огонь полено.

– Сходи, принеси, что просит. – Сказал он одному воину – Всем, кто не в дозоре – отдыхать, – сказал он остальным. – Утро будет раннее.

Воины легли молча. Оружие – под рукой. Сапоги – не сняты.

Кашевар, тем временем, выкопал небольшую ямку, поближе к костру, взял принесённый лист, уложил на дно. Флягу с водой поставил поближе к огню

– Пусть чуть прогреется, – сказал он. Достал немного золы из костра, высыпал в ямку, залил тёплой водой – теперь пусть постоит чутка.

– И что это будет? – спросил Путник

– Щёлок³. – ответил Кашевар – Очень простое походное средство. Лучше него только мыльнянка⁴. Но пока шёл я её не видел. Хотел на привале возле озера поискать, да вот, тебя

² **Время ведьм** – последняя вахта перед рассветом

³ **Щёлок** – водный настой древесной золы, состоящий в растворе в основном из карбонатов калия (поташ) и натрия (сода).

⁴ **Мыльнянка** – род травянистых растений семейства Гвоздичные. Названа так за то, что корень при контакте с водой образует пену. Может использоваться как простой заменитель мыла.

встретил. Так тоже можно. Только потом до ручья пройдемся с тобой. Нужно смыть хорошо будет.

– И откуда ты это всё знаешь?

– Так живу давно. Где-то одно услышал, где-то другое. Что-то попробовал, что-то подсказали. Вот и накопилось.

Он подошёл к котомке, достал штаны. Положил окровавленную штанину в ямку.

– Подождём чутка. Пропитаемся, сходим до ручья, прополощу.

Огонь постепенно угасал. Воины спали. Дозорные – в тени.

Путник сидел напротив Кашевара. Долго молчал. Потом сказал:

– В городе сейчас беспокойно. Интриги. Слухи. Люди исчезают.

Кашевар кивнул. Не спросил подробностей.

– Пойдём прогуляемся. – взял штаны и пошёл к ручью. Присел, опустил штанину в воду и начал застирывать. Сильно, но аккуратно отжал. Встряхнул.

– Ну вот теперь можно и просушить. Видишь – крови не осталось совсем. А прореху я уже на свету зашью.

Они вернулись обратно. Кашевар взял рогатину, воткнул возле костра, повесил на неё штаны.

– Ты ведь не торговец, – сказал Путник, стоя над ним. – Не гонец. Не беглец. Зачем тебе город?

– По личному делу.

– И это всё, что ты скажешь?

– Больше нечего говорить. Ничего не изменилось.

Путник посмотрел на него. С лёгкой настороженностью и уважением.

– Будь осторожен, – сказал он. – В городе не любят тех, кто приходит без имени.

– Я привык приходить без спроса и без имени.

Помолчали.

– Ложись спать, – сказал Путник. – Утро близко.

Он завернулся в плащ. Лёг спиной к костру – так, чтобы видеть дорогу.

Кашевар сидел у огня. Подождал, пока воины устроятся, пока дозорные займут посты.

Потом встал.

– Пройдусь, – сказал он. – Ноги затекли. Да и до ветра нужно сходить.

Никто не возразил.

В лесу он быстро собрал: чернику, лещину, пучок щавеля. Свернул всё в бересту.

Вернулся. Положил у костра – рядом с местом Путника.

Сел обратно.

Перед самым рассветом он встал – и ушёл.

День первый

Путник проснулся первым. Оглядел лагерь. Взгляд остановился на пустом месте где раньше сидел Кашевар. Взглянул на бересту, на оставленные продукты.

– Кто видел, как он уходил? – спросил он, не повышая голоса.

Воины переглянулись.

– Никто, господин.

– А когда он оставлял это?

– Не видели.

Путник подошёл к костру. Взял ягоду. Сжал в пальцах. Сок стёк по ладони – тёмный, как ночь. Стукнул ногой по котелку с такой силой, что тот, перевернувшись несколько раз, отлетел в кусты.

– Завтрака не будет. Навести порядок в лагере. Никто не должен понять, что мы здесь были. Следы Кашевара оставьте. Пусть думают, что здесь был один человек. Остальным опра-вится и подготовиться. Выдвигаемся через 10 минут. И благодарите богов, что он просто тихо ушёл, а не перерезал всех, как свиней. Если в городе окажется, что я ошибся и его нужно было повесить ещё вчера, дозорных ведьминога часа ждёт дыба.

Он говорил тихо. Но в каждом слове – сталь.

– Этот Кашевар... не встречал я таких. Он не спрятался. Просто ушёл. А вы – профес-сионалы...

Он произнёс это слово с лёгкой усмешкой, почти ласково. Но взгляд суровый.

– ...Но не уследили за стариком без оружия.

Помолчал. Посмотрел на дорогу.

– Он пошёл в город. Это точно.

– Прикажете искать? – спросил воин с шрамом.

– Нет. У нас другая задача. Но когда мы вернёмся, Я сам найду его. Не для суда. Для разговора. Уже хочу знать, что за дело ведёт человека без имени в город по дороге, где живыми не ходят.

Он бросил ягоду в костёр. Она зашипела.

– Готовимся. У нас тяжёлая работа впереди.

Ворота города были высокие. Дуб створок хоть и старый, но ровный. Зазубрин от осад-ных машин нет. Или город неинтересен был никому, или жил с соседями в мире. Над воро-тами – герб барона. Кашевар не спеша шёл к ним. При этом внимательно смотрел по сторонам. Вот крестьяне привезли сено на большом возу – видимо кому-то на конюшню. Там – боль-шой обоз стоит. Ждут. Здесь семья с ватагой малышей, которые, как и все дети шумно бегали вокруг родителей. Видно что шли издалека, пешком. Уставшие, но довольные. Отец ругался со Стражниками

– Платить за каждого? Да это же грабёж. За эти деньги я могу каждого неделю кормить! Они же дети. Они только едят и спят. Откуда я столько возьму?!

Стражник, в кожаном доспехе, с лицом серым от боли, устало отвечал.

– Зато они будут тут жить! И, судя по тому, как они себя ведут, добавят беспорядка в город. Не хочешь платить? Не плати. Но тогда они останутся здесь. А когда солнце зайдёт и ворота закроются, если их не убьёт ночь, то убьёт утро. И ты их уже не увидишь. Решать тебе. Но бесплатно я в город их не пущу. – При этом взгляд полон боли, но не злобы

– Я буду жаловаться на тебя Барону! Как тебя зовут? – Истерично вопил мужчина

– Меня зовут смотритель ворот Войцех. Здесь я решаю, кто может пройти. Но для того, чтобы тебе пожаловаться на меня, тебе в начале придётся попасть в город. А с ними я тебя

в город бесплатно не пропущу! И заканчивай этот разговор. Ты не один хочешь войти. Или плати, или проваливай со всей своей щенячьей сворой!

Жена мягко положила руку на руку мужчины.

– Успокойся. Мы знали что так будет. И мы заранее с тобой приготовили деньги. Зачем ты возмущаешься. Ты всё равно ничего не можешь изменить. Или ты хочешь просто показать мне, что ты защитник семьи? Я это и так знаю. Заплати и пойдём. Все уже сильно устали от дороги.

Мужчина шумно выдохнул. Успокоился. Молча достал кошелёк и отдал Войцеху.

– Здесь за всех

Войцех кивнул. Взвесил кошель на руке. Достал монеты и педантично пересчитал. Махнул рукой – впустите.

– И стоило это твоего крика? Добро пожаловать в Стародуб. – гостеприимным жестом Войцех пригласил всех пройти. При чём было видно, что движения ему доставляет муку, улыбка, хоть и открытая, но не скрывала боли, которую тот испытывал.

Кашевар внимательно наблюдал. Но не за семейством, которое шумной толпой проходило в город. Не за детьми, который пытались украдкой потрогать оружие стражников. За Войцехом.

Периодически вздрагивает и непроизвольно хватается за левый бок. Постоянно дёргается и не может стоять на месте. Ходит с места на место без остановки. Обильный пот на лбу, несмотря на то, что день сегодня не жаркий. Пот хоть и выглядит липким, Кашевар был уверен – холодный и не приносит облегчения. Войцех зажал рот ладонью, отбежал в сторону и шумно расстался с содержанием желудка. Кашевар мысленно кивнул себе и пошёл обратно в лес.

Лес встретил его прохладой и лёгким шёпотом листвы. Кашевар знал, что ему нужно. Пошёл к окраине болота и набрал стеблей хвоща. От крапивы набрал верхних листочков. Брал просто, голыми руками, не обращая внимания на жгучесть в ладонях. Это не та боль, которая приносит страдания. Набрал жёлтых цветов золотарника и сорвал несколько ягод можжевельника и шиповника. Не бродил по лесу в долгих поисках. Он знал где что растёт и как их нужно искать.

Собрал небольшой очаг возле ручья, растрепал рогоз до пуха, положил под небольшие ветки. Кремни лежали по всему берегу. Высек искру и разжёл костёр. Ему не нужно было согреться. Ему нужно было отварить ягоды. Оторвал от ближайшей берёзы бересту, связал веточкой, налил воды. Пока вода закипала, размял в руках ягоды, испачкав пальцы чёрным соком можжевельника. Бросил в воду. Сок у ягод терпкий, когда высохнет, липких следов не останется. Вытер остатки о траву. Сделал ещё одну чашу. Теперь побольше. Мелко порвал сильными пальцами травы. Достал из костра обгоревшую палку и затушил её в ручье. Потом этой головешкой стал разминать травы. Медленно и осторожно, чтобы не порвать бересту. Когда они превратились в кашицу, осторожно вылил немного отвара от ягод в травы. Понюхал. Запах размятых трав ударил в нос – острый, горьковатый. Так же пахло в палаточном лагере у Южного ручья, много лет назад. Тогда он опоздал... Не помогло. Сегодня – должно. Удовлетворённо хмыкнул, и пошёл обратно.

Войцех был один.

– Здравствуй, смотритель. Я вижу тебе нездоровится. Дозволь помочь тебе.

– Ты Целитель? Что-то по твоему виду этого не видно. С чего ты решил что можешь мне помочь. И почему я должен тебе верить?

– Ты уже обращался к Целителям – видя как Войцех хмуро кивнул, продолжил – Они сказали тебе, что у тебя камень, который хочет выйти наружу, но не может. И, судя по твоим страданиям, они тебе не помогли. Или цена оказалась слишком высокая?

– Откуда я возьму 50 монет сразу? – взорвался тот – Жалование только через 5 дней. А они сказали, что за 5 дней, если я к ним не вернусь, я могу умереть. Или от боли, или камень мне разорвёт всё нутро.

– Я вижу как тебе больно, смотритель. Я принёс тебе снадобье. В верховьях Пороговой реки его называют «Каменным зельем трёх трав». Оно помогает от недуга, который тебя гложет. Говорят, его так называли, потому что оно разбивает камень в чреве.

– Зелье трёх трав? Ты травник?

– Нет. Я Кашевар. Бывал в тех краях и слышал про него. Нашёл всё что нужно в лесу. Кроме мёда. Мёд не даст зелью испортится и сделает его слаще. Я добавил отвар шиповника, но мёд лучше.

– Ты уверен, что оно мне поможет? – Войцех цеплялся за любую возможность, чтобы избавиться от боли, которая его терзает.

– Оно снимет боль и поможет твоему телу исцелится, но не вылечит тебя сразу. Съешь одну ложку прямо сейчас и запей большим количеством воды. Боль почти сразу отступит. А остальное – вскипяти на медленном огне в большом чане, дай остыть и принимай каждый раз по чаше, когда боль будет подходить. Ты будешь чувствовать как камень движется потихоньку к выходу. Перед самым выходом будет очень больно. Даже зелье до конца не поможет. Но не долго. После этого камень выйдет. Только обязательно добавь мёд, когда будешь кипятить.

Войцех взял чашу и осторожно понюхал. Потом подозрительно посмотрел на Кашевара.

– Почему ты мне это даёшь. Что хочешь в замен?

– Мне нужно в город. Но у меня нет денег.

– Без денег не пушу – насутился Войцех – у меня приказ.

– Ты можешь взять деньги из своего кармана, поддержать её в руке и положить в другой карман. И если тебя спросят, скажешь что купил у меня зелье, а я заплатил тебе за проход.

– Зелье не стоит так дёшево. Мне никто не поверит.

– Ты прав. Зелье не стоит ничего. Я собрал эти травы в лесу. Они никому не принадлежат. Стоят знания. А сколько я прошу за эти знания – это моё дело. Мне нужно попасть в город, а не продать тебе зелье.

Войцех задумался. Тут на него накатила очередная волна боли, он судорожно взял пальцами чуть-чуть кашицы, отправил в рот и жадно запил большими, шумными глотками.

– А что мне мешает просто забрать у тебя всё и выгнать отсюда? Я попробовал твоё снадобье. Посмотрим, станет мне сейчас лучше или нет.

– Ты можешь меня прогнать и я не буду с тобой спорить. Но завтра днём зелье закончится, а камень может ещё не выйдет. И тебе нужно будет ещё. Если ты меня прогонишь, я не вернусь сюда. Если ты меня пропустишь, ты будешь знать, что я в городе. А завтра к полудню я приду сюда и принесу тебе ещё.

– Сколько мне это будет стоить?

– Ни сколько. Просто так принесу.

– Сколько дней пробудешь в городе? – спросил он. Было видно, что движения его становятся более плавными. Серость уходит с лица.

– Дней пятнадцать. Может, двадцать.

– Чем займёшься?

– Буду работать. Куда возьмут – там и буду работать. Руки ещё сильные, работы не чурась. Кашеваром меня нарекли. Готовить умею – может, возьмут в таверну. Или на постоянный двор. Может, ты подскажешь?

– Ха! Вчера в городской таверне «Сломанный меч» убили повара. Сходи туда. Может тебе повезёт. Заодно и я буду знать, где тебя искать. – усмехнулся он

Молча он открыл ворота.

– Проходи. Добро пожаловать в Стародуб.

Город впустил его внутрь запахами: дым от очагов, простая еда на кухнях, конский навоз и гниль у сточной канавы. И звуками: скрип проезжающих повозок, ругань в соседнем проулке, цокот копыт, когда под ногу лошади попался камень.

Мощёная только центральная улица. На остальных просто утоптанная до твёрдости земля и глина.

«Грязно здесь должно быть в дождь» – подумал Кашевар. «В соседних городах почти везде мостки есть, а здесь – пусто. Вот тебе и Стародуб. Дуба много в соседних лесах, а в городе пока похоже что только ворота из него»

Кашевар шёл не спеша. Слушал, смотрел, примечал. Вот дети – босые, с соплями, размазанными по щекам, но весёлые и шумные. Как все дети. Женщины – с вёдрами, усталые, но прямые. Кто-то воду несёт, кто-то одежду: или стирать или уже сушить. Мужчины – в коже или в рваном сукне. Кто с топором, кто с мешком. Город жил своей жизнью. Горожане в нём – своей. Каждый на своём месте.

«Нищих и попрошайек почти не видно. Или от ворот их гонят или действительно в городе их мало»

Он не оглядывался, не считал дома. Просто шёл по центральной улице – туда, где пахло жареным луком и кислым пивом. Там, у каменного угла, висела вывеска: «Сломанный Меч».

Дерево потемнело от дождей. Но видно что вывеска дубовая. Меч нарисован криво – будто его и вправду сломали.

Кашевар остановился. Посмотрел на дверь. Посмотрел на окна. Оглядел чистые стены до третьего этажа. Не дуб, а камень. Значит таверна богатая. Или для богатых. На конюшне почти все стойла заняты. Значит постояльцев много. Кухня с залом в отдельной пристройке. Видно что в неё можно попасть прямо из дома и с улицы. Кухню никогда ни с чем не спутаешь. Есть в ней что-то особенное. Или стук ложек и ножей. Или особый запах. Дым из трубы какой-то странный. Как жирный. Что-то в печи забыли.

Он глубоко вдохнул и вошёл.

Внутри за одним из столов, обложенный книгами, сидел мужчина и что-то считал на пальцах. Не молодой и не старый. Выхолощенный. Видно что и за крепким словом в карман не полезет и добрым может быть. Или притворится добрым. Такого ни с кем не спутаешь. Хозяин.

– Агнешка, почему на втором столе лужа не вытерта?! – крикнул он – Тебе жалование не нужно? Или косы лишние отрастила. А ну быстро приберись. Сколько раз говорил – гости ушли, всё должно быть чистым сразу. Накажу! – но видно: не накажет. Глаза не злые. Скорее уставшие. Посмотрел на Кашевара

– Тебе чего? Мы уже закрыты. Вечером приходи!

– У вас в печи что-то горит.

– Ох тыж... – Вскочил и побежал внутрь кухни.

Вернулся через минуту – красный, злой.

– Кто ты такой?

– Кашевар. Видел – дым из трубы странный. Слишком жирный. Такой может быть, когда печь только затопили. Сейчас за полдень перевалило. Печь уже горячая должна быть. И даже уже остывать. До обеда-то пока далеко.

Хозяин прищурился. Оглядел котомку, спокойные руки, простую одежду. И волевой взгляд.

– Кашевар? Это имя или призвание?

– Готовить умею. Так что и имя и призвание. Нужен тебе помощник на кухню? Если дашь мне продукты, пустишь на кухню и дашь котелок и плиту, могу тебе похлёбку сварить.

– У меня вчера повара убили. С одним из посетителей повздорил. Из буянов. Тот не стерпел и забил его до смерти. Говоришь, умеешь готовить? Ну давай тебя проверим. Пойдём со мной.

Они прошли на кухню. Кашевар окинул кухню взглядом. Котлы в куче в одном углу, пол заляпан, дверь в ледник на распашку. Лук и чеснок связками развешен по стенам, но чеснок уже не просто пожухлый, а наполовину проросший, наполовину сгнивший.

Хозяин помолчал, пожевал губу, отошёл в угол к мешкам. Вернулся с двумя овощами в руке.

– Вот тебе. Картофелина и красная морковка. Или жёлтую хочешь?

– Всё равно. Пусть будет красная. Это всё?

– А что, мало?

Он бросил овощи Кашевару в ладони.

– У тебя – час. Приготовь что хочешь. Но удиви меня.

– Из этого?

– Именно.

Он усмехнулся.

– Давать солонину каждому бродяге – слишком расточительно. А так – и продукт не испортишь, и будет видно: шарлатан ты или нет.

– Понял. Что-то ещё взять можно? Воду для похлёбки, масло, травы?

– Ну, воду можешь взять. Котелок любой выбирай. Утварь, я думаю, ты сам найдёшь какая нужна будет. Масло не трогай. Нечего. И так будет понятно, Кашевар ты, или зря своё имя носишь. Соль можешь взять. Если через час я не выгоню тебя пинком – договоримся о работе.

Кашевар кивнул. Пошёл к столу.

Кухня была тесная и дымная. Печь давно не чистили. На плите – чугунный котёл и две сковороды. В углу – мешок с крупой, бочка воды, соль в глиняной чаше.

Кашевар поставил небольшой котелок с водой на огонь. Туда же поставил небольшую сковороду. Быстро почистил картофель и морковь. Разрезал пополам. По одной половине положил срезом на горячую сковороду. Раз нельзя использовать специи, используем смекалку.

Хозяин постоял немного, посмотрел что работа началась и вернулся в зал.

Одну половину картофелины начал резать на тончайшую соломку. Быстро, профессионально, не глядя на лезвие. Нож скользил без усилия. Положил в миску и залил водой.

Снял с огня чуть подрумянившиеся овощи. Так бульон будет золотистым и на овощах след от сковороды останется – не будут скучно в похлёбке смотреться. Нарезал одинаковыми кубиками и бросил в кипяток.

Вторую половинку морковки – измельчил ножом до состояния каши. Положил получившуюся кашу на тряпицу. Аккуратно, чтобы не взбаламутить, вытащил картофельную соломку из воды и положил на тряпицу, чтобы обсохла. Аккуратно слил воду, так чтобы крахмал остался на дне миски. Взял тряпицу с морковью и аккуратно выжал сок в крахмал. Перемешал. Поставил миску поближе к плите, чтобы вода чуть-чуть выпарилась.

Поставил другую сковороду на жар. Без масла, значит без масла. Ждём пока сковорода раскалится.

Выложил картофельную соломку. Прижал лопаткой. Через несколько минут получил хрустящие картофельные лепёшки, золотистые с краёв, мягкие внутри.

Потом – десерт.

Смешал морковную массу с крахмалом, морковным соком и щепоткой соли. Ложкой, прямо в миске, отжал лишнюю влагу и поставил в тепло печи – не жарить, а томить.

Через сорок минут всё было готово.

Вышел в зал с готовыми блюдами. Поставил перед хозяином три миски.

– Я сделал три блюда, а не одно. Не поесть, а попробовать. – сказал Кашевар. – Пробуй и потом скажи, удалось мне тебя удивить или нет.

Хозяин сел. Взял ложку.

Суп – прозрачный, с ароматом земли и сладостью моркови. Немного золотистый. На некоторых кусочках видна зажарка от сковороды

Картофельные лепёшки – хрустят, как осенний лист под ногой, но внутри мягкие.

Морковный кекс – влажный, тёплый, с привкусом солнца.

Хозяин удивлённо посмотрел на три миски. Порции, конечно, не большие. Суп водянистый, лепёшки – две штуки, но размером с детскую ладонь. Кекс – чуть больше грецкого ореха. Взял ложку и начал пробовать. Доел молча.

– Удивил... Откуда ты знаешь, как из ничего всё это сделать?

– Не из ничего. Из того, что есть в данный момент.

– Ладно, – сказал хозяин, отложив ложку от дегустации. – Ты действительно меня удивил. То что я попробовал, хоть и мало, но съедобно. Но постояльцы не пробуют. Они едят. При чём так, чтобы было и сытно и вкусно.

Он махнул рукой на зал.

– Их ждёт обед. В пять. Будет восемнадцать постояльцев. После обеда – свободная торговля. Придут те, кто не хочет готовить дома. Сколько их будет – не известно. Сколько съедят – зависит от тебя. Если будет не вкусно, и ты только продукты переведёшь, работы тебе не видать. У тебя есть три с половиной часа. Иди на кухню, посмотри что там есть, а я скоро подойду и ты мне расскажешь, что будешь готовить.

Кашевар кивнул. Не стал больше ничего спрашивать.

Кашевар осмотрел кладовую. Грустно покачал головой. Солонина – кусок. Ячменная крупа – пол мешка. Сушёные грибы – пара горстей. Коренья в мешках вперемешку: где жёлтая морковь, где красная, где пастернак. Не гоже так продукты хранить.

Заглянул на ледник. Немного мяса. Четыре тушки речной форели. Крупные, потрошённые и вычищенные. Взял одну рыбину. Посмотрел на мутноватый глаз, на начинающие коричневеть жабры. Грустно вздохнул и покачал головой. Одинокая тушка петуха. Видно что лежит давно – вся синяя. И петух, видимо старый был. Жилистый весь. Но уже без потрохов и перья не только выщипаны, но и опалены. Взял его и вернулся на кухню. Там его уже ждал хозяин.

– Ну, что скажешь? Решил что готовить будешь?

– Вот это здесь откуда? Как-то выбивается из общей картины. – Спросил Кашевар, показывая тушку

– А, этот... Да один из постояльцев его лошадьёю нечаянно затоптал. С хозяином, конечно, рассчитался, но не выбрасывать же его. Вот и принёс прежнему повару. Раз уж за него заплачено, пусть хоть польза будет. А чего с таким сделаешь. Но пока постоялец здесь, выкинуть нельзя. Вот и лежит.

– Похлёбка да каша – больше, видно, не варили здесь ничего. Ну и порядок... – Он не договорил. Просто пошёл к плите.. – Запустили прежний повар кухню. Но это его дело. Если ему здесь работалось хорошо и ты с гостями доволен был, пусть так. Но порядок здесь навести не помешало бы...

– Да мы с ним ругались по этому поводу иногда. Но готовил он хорошо и у меня руки всё не доходили его урезонить. Я сюда почти и не ходил.

– Раз он похлёбку готовил, то я тоже приготовлю. Но рыба портится начала и петух этот... Приготовлю ещё уху из петуха⁵, чтобы продукты не пропали.

Хозяин удивлённо поднял брови

– А ты точно Кашевар? Кто же из петуха уху варит?

– За Чёрным морем часто так делают. Только рыба у них другая. Но если эту не использовать, она пропадёт скоро. Не понравится – останется похлёбка. А петуха ты всё равно выкидывать хотел. А так скажешь постояльцу что с его помощью блюдо заморское приготовили.

– Чудной ты, Кашевар. Ладно, попробуй. Но если будет несъедобно, заставлю весь котёл съесть. За полчаса до гостей ест прислуга и я. Нас всего пять человек. Вот мы и попробуем первыми, что можно гостям отдавать, а что нет. Да. Там ещё где-то крынка молока была скисшего. Вылей её. Я про неё забыл сегодня.

Кашевар молча кивнул головой и начал готовить. Так. В начале петух. Кожу аккуратно срезал и снял со всей тушки без разрывов. Потом пригодится. Или рулет завернуть или соломкой до хруста приготовить под пиво. Но пока мало её. Пусть своего часа дожидается. Остальное – порубить кусками. Лапы, шею, хребет – отдельно в миску. Тоже потом на бульон пойдёт. Куски не большие и не маленькие. Налил в сковороду масла побольше и бросил обжариваться. Никакой соли, а то она все оставшиеся соки из мяса вытянет и есть невозможно будет. Поставил большой котёл с водой. Гостей много будет. То что хозяин пригрозил что съесть его придётся целиком не боялся. Блюдо известное, в Верхнем городе часто его готовил. Никто ещё не жаловался. Петух подрумянился. Кашевар бросил все куски в ещё холодную воду. Очистил луковицу и жёлтую морковь. Разрезал пополам, обжарил на сковороде, где был петух до корочки с одной стороны и бросил в котёл. Потом занялся рыбой.

Плавники, хвосты, головы – долой. Выбрал нож поменьше и потоньше. Отделил мясо от хребта. Бросил все ошмётки в котёл к петуху. Аккуратно, прощупывая каждый кусочек, вынул цепкими пальцами косточки вдоль хребта. Тушку немного надрывало. Вовремя он за неё взялся. Схватил за кожу возле хвоста двумя пальцами, подцепил мясо ножом и сильным, уверенным движением срезал филе единым куском. Тоже самое сделал со всеми остальными кусками. От каждого филе отделил ту часть, которая ближе к хвосту и положил отдельно. Их время пока не настало. Остальное просыпал солью, розмарином, сложил друг на друга и отнёс на ледник. Больше пока ничего с рыбой делать не нужно. А вот кожу припасём. Потом тоже пригодится. Или к коже от петуха добавить или отдельное что-то сделать.

Вода в котле закипела. Аккуратно начал снимать с бульона пену. Когда её почти не осталось, аккуратно отодвинул котёл ближе к краю, там где не так жарко. Чтобы бульон чуть-чуть побулькивал, а не кипел. Закрыв крышкой. На два часа про него можно забыть.

Теперь похлёбка. Ну тут ничего необычного. Похлёбка она и в Стародубе похлёбка. Рецепт проверенный временем. Но он всё-таки внёс небольшую правку. Достал у себя из котомки один из мешочков и после того, как началось обильное бурление, добавил немного чабреца. Не забыл его размять между сильными ладонями.

Через два часа вытащил шумовкой из большого котла петуха, кости от рыбы и овощи. Хребты, хвосты и головы выкинул. Морковку тоже. Бульон прозрачный, как слеза, чуть розоватый от моркови. Так и должно быть. Кашевар удовлетворённо кивнул сам себе. Котёл на самый жар. Бросил туда мясо от хвостов форели, нарезанное кубиками. Туда же бросил пастернак, корень сельдерея, нарезанные до этого. Немного обжигая пальцы, разрезал лук из бульона, который расплзлся у него под ножом. Но это нормально. Так и нужно. Бросил его в котёл. Вот теперь нужно посолить. Добавил соль и розмарин. Рыба его любит. Главное не перебор-

⁵ Уха из петуха – изначально «ухой» называли любой бульон: рыбный, мясной, овощной. «Уха из петуха» реальное рыбное блюдо, в которое добавляют петуха. Именно петуха, а не курицу.

щить. Когда петух немного остыл, вынул из него все кости. Они отделялись легко. Мясо разваливалось на волокна. Он немного подумал и порезал его на мелкие-мелкие кусочки. Чуть крупнее опилок. Они должны дать вкус, а не текстуру.

Через три часа пришёл хозяин.

– Ну что, Кашевар. Готово у тебя или не получилось? – ехидно спросил он

– Всё готово. Уха из петуха, густая похлёбка из ячменя, солонины и лука, жареные лепёшки из хлеба и крупы. Сытно и вкусно.

– Ну, это мы сейчас и посмотрим. Тащи на стол на пятерых. Я тебя заодно со всеми познакомлю.

Кашевар положил в пять мисок уху. Поставил на доску в окне раздачи. Положил туда же и лепёшки. Вышел из кухни, забрал блюда и пошёл к столу, за которым сидели пять человек. Сам хозяин, две девчушки, совсем подростки, похожие друг на друга, как горошины из стручка, женщина в возрасте и молодой парень, от которого веяло ароматом конюшни.

– Ну вот, знакомьтесь. Это Кашевар. Если приготовил вкусно, будет нашим поваром. Это – он кивнул на близняшек – мои племянницы. Агнешка и Иренка. Они в зале работают. Это – он указал на женщину – Элиана. Она следит за чистотой в комнатах. Ну а молодой – это Велеслав. Он у нас на конюшне. Я же Кассиан. Пытаюсь управлять всем этим хозяйством. Давай пробовать, что ты там приготовил.

Кашевар расставил перед всеми миски с ухой, перед каждым положил по лепёшке и ложке.

– Это уха из петуха. Кушайте на здоровье!

Все, кроме хозяина, удивлённо переглянулись, но ничего не сказали. Кассиан первым взял ложку, набрал бульона, поднёс ложку к лицу. С опаской понюхал.

– Что-то бульон у тебя мутноват. Передержал? Или пену вовремя не снял.

– Нет. Мутность даёт мелко нарубленный петух. Всё таки это уха. Петух даёт густоту и не сильно влияет на основной вкус. Пробуй, не бойся.

Кассиан положил ложку в рот и чуть-чуть покатавал языком бульон. Поднял бровь и быстро взял следующую ложку. Потом следующую и уже не останавливался и ни на кого не смотрел. Остальные, следуя его примеру, тоже начали осторожно есть, но всё убыстряясь и убыстряясь. Кашевар стоял рядом, и в его бороде пряталась едва заметная, довольная улыбка.

– И это из петуха? Он там точно есть? – спросил Кассиан? – Я его почти не чувствую. Вроде как рыбный суп и в самом конце – что-то такое не рыбное...

– Я слышал про такой суп – воскликнул Велеслав – кто-то из постояльцев говорил. «Царская уха» называется. Её у южан готовят. Только из белуги и только на праздники. Но сам не пробовал. И не думал что попробую. Говорят жутко дорогая, если приготовлена правильно.

– Дорогая, говоришь – востепенулся Кассиан – это хорошо. «Царская уха»... Хорошее название. Так и будем подавать. А что с похлёбкой? Такая же вкусная? Или ничего особенного? – обратился он к Кашевару.

– Доедайте, принесу похлёбку.

– А добавки можно? – спросила то ли Агнешка, то ли Иренка. Хотя всё-таки Иренка. У Агнешки косички по-другому заплетены.

– И мне – добавила сестра

– Ты ещё похлёбку не пробовала. А уже добавку просишь. Нет. Добавки ухи никому не будет. Это гостям! – безапелляционно заявил Кассиан. – и ударил по столу кулаком. Но так... Без злобы. Только чтобы подчеркнуть значимость своих слов. – Давай похлёбку.

Кашевар молча пошёл на кухню. Так же разлил пять мисок. Но порции существенно меньше. Принёс и поставил на стол перед каждым.

– А похлёбки почему так мало? Пожадничал?

– Мне не жалко. Еда не моя. Сама уха очень сытная. Если еда вкусная, то вы её едите потому что вкусно, а не потому что надо. С полным брюхом тяжело будет потом работать. Кто захочет – тому налью добавку.

Кассиан внимательно посмотрел в глаза Кашевару.

– Ну, здесь я решать буду, кому сколько есть. Пока едим что есть. Если будете голодными, добавим. – сказал он остальным.

Остаток обеда прошёл в неспешных разговорах, но быстро. Всё-таки скоро придут постояльцы. А за ними и остальные гости.

Кассиан подозвал Кашевара пальцем.

– Значит так. Еда действительно вкусная и то, что эти две пигалицы добавки попросили – на мой памяти не было такого ещё. Обычно их упрашиваешь поесть. Они, после смерти родителей, нелюдимые. Не хотят ничего. А тут... Ладно. Пустое это всё. Блюда отдаём гостям. Девчёлки – разносят. Приходят к тебе, говорят что нужно, ты в окошко выставляешь. Гость поел – принесли посуду обратно. Посуда не твоя забота. Её Элиана забирает и сразу моет. Твоя задача – быстро отдавать то, что просят. Иногда кто-то просит что-то дополнительно приготовить. Если видишь, что можешь и не в ущерб другим заказам – готовь. Нет – говоришь сразу что готовить не будешь. Я в зале. Разливаю напитки: вино, пиво, квас – кто что хочет. И принимаю плату за блюда. Твоя задача – быстро отдавать блюда. Всё понятно?

– Понятно.

– Вот и чудно. Иди на кухню. Скоро постояльцы подходить начнут.

Постояльцы, в основном, приходили группами по два-три человека. Рассаживались по местам. Сразу видно, что каждый уже выбрал для себя любимое место. Кашевар наблюдал за ними через окно раздачи. Примечал поведение и привычки.

В зале сидели:

– купец в шелках с юга с помощниками

– воины с севера, шумные, весёлые, но добродушные, хоть и с оружием

– персы. Молчаливые и замкнутые. Старик – во главе стола. Сразу видно – старейшина.

Все ловят каждый его жест

Кашевар утвердился в своём первоначальном мнении: это не просто постоялый двор. Здесь собрались не простые люди. Видно что все при деньгах. Все с положением.

Началась обычная работа. Девчёлки прибежали и просили блюда. Кашевар их разливал в миски и выставлял их на раздачу. Обычная рабочая суета.

Тут прибежала Иренка – Кашевар уже научился их различать, хоть и было видно, что сёстры специально хотят быть похожими до одинаковости

– Дядя Кашевар. Там четыре Целителя пришли. Они к нам по вечерам всегда приходят. Вина попить. Попросили какую-нибудь лёгкую закуску. Сделаешь.

– Конечно, Иренка – та зарделась, что её узнали – подходи через 10 минут, сейчас сделаю.

Он поставил два небольших котелка с водой на плиту. Спустился в ледник и взял рыбу, которую засолил ранее. Поднялся наверх. Начал тонкими кусочками нарезать филе. Вода закипела. Добавил туда уксуса и ложкой начал формировать вихрь в середине. Разбил в центр куриное яйцо. Оно быстро стало белеть снаружи. Аккуратно помешивая попеременно в каждом котелке сварил яйца. Шумовкой аккуратно выложил на тонко нарезанную форель. По яйцу на каждую тарелку. Сверху мелко нарезанный зелёный лук. Через 10 минут все четыре миски стояли на раздаче.

Прибежала Иренка

– Это что такое? – удивлённо спросила они

– Это форель под яйцом пашот – ответил Кашевар. Я думаю что им понравится. Просто и вкусно.

– Спасибо, дядя Кашевар – крикнула Иренка уже на ходу, относя блюда.

Кашевар по отечески улыбнулся. Сколько энергии в этой девчушки. И не скажешь, что родителей потеряла.

Обед шёл своим чередом. Прибежала Агнешка.

– Там гости увидели блюдо у Целителей и тоже хотят Пашотские яйца

– Как ты сказала? «Пашотские яйца»? – Кашевар от души рассмеялся – ну раз их так назвали, пусть так и будет. – сколько штук нужно?

– Пока два. Но там уже многие на стол Целителей смотрят.

Кашевар принялся готовить. Поставил готовые блюда на раздачу.

За дальним столом Целитель вдруг схватился за горло. Лицо посинело. Глаза – широко распахнуты. Дыхание – свистящее, прерывистое.

– Воды! – крикнул кто-то.

Кашевар уже был рядом. Не бегом. Не с криком. Просто – подошёл, но быстро.

– Смотри на меня, – сказал он тихо.

Целитель попытался кивнуть.

– Агнешка! Быстро в ледник. Отколи кусок льда, заверни в тряпицу и неси сюда. Бегом!

– Иренка! На улицу! Принеси мне два небольших листа подорожника. И из кухни чашу воды. Тёплой, почти горячей, но не кипятком!

Девчёнки, поражённые властностью в его голосе, побежали исполнять веленое. Кассиан с тревогой смотрел на происходящее.

– Ложись, – велел Кашевар Целителю, помогая ему встать из-за стола и лечь на пол. Сел на корточки рядом с ним. Прибежала Иренка. Передала ему два листа подорожника и чашу. Один лист Кашевар разорвал и растёр в руках. Бросил в чашу. Приподнял голову Целителя.

– Пей маленькими глотками. Листья старайся не глотать.

Второй приложил к горлу, ниже судорожно двигающегося кадыка. Прибежала Агнешка. Кашевар забрал у неё тряпицу и положил на лист подорожника. Держал почти ласково, но сильно. Взял Целителя за руку. Твёрдо. Тепло.

– Ты не задыхаешься. Ты боишься задохнуться. Отпусти страх. Паника – самое страшное, что тебе сейчас грозит. Смотри мне в глаза и не бойся.

Глядел в глаза – не отводя. Ни на секунду.

– Дыши. Медленно. Не бойся. Я рядом и помогу тебе.

Через несколько минут дыхание у Целителя выровнялось. Цвет лица – стал светлее.

Когда прибежал посыльный с лекарством из Цитадели, Целитель уже дышал спокойно. А лёд таял у него на горле.

– Ты уже вне опасности, – сказал Кашевар. – Лекарство – для уверенности, что это не повторится. Посмотрел на Целителя внимательно. – Паника это худшее, что могло быть. Не нужно бояться. Страх – твой самый главный враг.

Целитель молча смотрел на него. Потом встал.

– Я – Марек из Цитадели. Целитель третьего круга.

Он не протянул руку. Просто стоял.

– Если ты когда-нибудь будешь нуждаться в помощи... приходи. Я узнаю тебя. По глазам. Я никогда не забуду твой взгляд.

Кашевар кивнул. Не сказал «спасибо». Не сказал «не за что».

– Береги лекарство. Забудешь про него – снова придёт страх. Пока не научишься его контролировать, будешь задыхаться. От пищи, от слов, от действий. Не бойся. И тебе больше никогда не потребуется помощь.

И ушёл на кухню.

Марек долго смотрел ему вслед.

Впервые за несколько лет он чувствовал себя должником

Обед шёл своим чередом. В очередной раз, когда девочки прибежали к раздаче Кашевар сказал:

– Пашотских яиц осталось всего две порции. Уху – последнюю порцию я отдаю. Похлёбка ещё есть, но её тоже осталось не много. На три-четыре порции. Предупреждайте гостей. Теперь могу дать только солонину с хлебом и луком.

Гости начали расходиться. Зал пустел. Сёстры вытирали столы. Элиана расслаблено сидела возле мойки. Кашевар протирал стол и убирал уже не нужную утварь. К нему подошёл Кассиан. Встал рядом и молчал. Не знал с чего начать.

– У меня в конторке столько денег я и не помню когда было. Может при отце ещё. Сколько еды осталось?

– Ничего не осталось. Всё съели. И почти все яйца закончились.

– Откуда ты про Пашотские яйца знаешь?

Кашевар улыбнулся. Новое название старому. Это было ему близко и знакомо. «Пашотские яйца», значит «Пашотские яйца».

– Блюдо не моё. Много где делают. Но везде по разному. Где-то рыба белая, где-то варёная, где-то яйца просто варят всмятку. Так, чтобы солёная рыба и яйцо в таком виде – я первый раз пробовал. Но по вкусу должно было получиться. Рад что всем понравилось.

– Ты вообще... откуда такой?

– Из дороги.

– И ничего больше не скажешь?

– А нужно?

– Ты честно отработал. Не жаловался, что чего-то нет, не шёл по тому пути, который до этого был. Яйца твои, «Пашотские», «Уха царская»... Почему к барону на кухню не пошёл? Я думаю что и у него на кухне тебя бы с удовольствием взяли.

– А здесь что? Народ вкусно поест не хочет? Вкусно и без золотых приборов? Чем они хуже? Или чем барон лучше? Я просто Кашевар. Я работаю не для себя. Для тех кто ест. Зачем мне искать кого-то особенного? Тебе нужен был повар. Я просто появился в нужное время. И это не моя заслуга. Будь у тебя повар жив, ты бы со мной даже разговаривать не стал бы. Случилось то, что случилось.

Кассиан задумчиво покачал головой.

– То что ты с Целителем сделал... Зачем? Это же не твоё дело. Целители всегда сами по себе.

– Я должен был смотреть как он умирает у меня на глазах? Для меня это был не Целитель. Это был гость, которому стало плохо. Мне нужно было отвернуться? Или смотреть, как жизнь его покидает? Был бы это крестьянин, с соседской фермы, я поступил бы так же.

– Если бы он здесь умер... Больших проблем бы не было, конечно, раз он с хворью. Но и ничего хорошего бы это не принесло. – Сколько хочешь за работу? За сегодняшний день и за следующие. Много не дам!

Кашевар покачал головой.

– Денег не надо.

– Как это – не надо?

– Давай так: я работаю на тебя. С рассвета до заката. Готовлю, чищу, мою. Порядок у тебя на кухне наведу. Добавлю к тебе в меню блюда, по типу «Пашотского яйца» – простого, быстрого, вкусного и популярного. В замен – еда и угол. Мне места возле печки хватит. Перина мне

не нужна. Я привык на земле спать. На кухне и тепло и пахнет вкусно, если кухня правильная – что ещё нужно.

– И всё?

– Нет.

Кассиан насторожился.

– Что ещё?

– Два-три часа в день – мои. Когда захочу – уйду. Куда захочу – пойду. Без вопросов.

– Ты бездомный?

– Я первый день в городе. И то – не надолго. Закончу свои дела и уйду.

Кашевар посмотрел в окно – туда, где закат резал небо над крышами.

– Дней пятнадцать. Может, двадцать. Не больше.

– А потом?

– Потом – дорога.

Хозяин кивнул. Не стал спрашивать – зачем. Понял что не ответит. А настаивать – упустить ценного работника.

– Значит, не навсегда. Я даже не знаю, хорошо это или плохо. Навсегда – скучно. С другой стороны, нового повара всё равно искать нужно уже сейчас.

– С поваром я тебе помогу. Только не сразу. Научу нужным блюдам, расскажу как на кухне работать лучше. Только или сам его тебе найду или, если ты приведёшь кого, в начале побеседую с ним. Не понравится – не буду его учить. И это моё второе условие.

– Есть ещё?

– Есть. Но они не будут для тебя обременительными. Если ты решишь, что я прошу слишком много и мои просьбы будут для тебя слишком сложными, я не обижусь. И не буду просить чего-то тяжёлого. Просто когда-нибудь мне может понадобится твоя помощь.

Кассиан задумчиво смотрел на Кашевара.

– Надеюсь, я не пожалею о своём решении. Договорились. Кухню ты уже знаешь. Завтрак в восемь. Будут только постояльцы и мы, уже шестеро. Не проспай?

– Не просплю, – улыбнулся Кашевар.

День второй

Кашевар встал, когда за окнами расцвет только начал раскрашивать крыши соседних домов. Растопил печь, пополнил запас воды в бочке. Что готовить утром, он ещё вчера решил. Все должны поесть быстро, сытно и, главное вкусно. Начал готовить завтрак на всех. Не делая разницы между работниками и гостями.

Прибежала Агнешка

– Дядя Кашевар. Там стражник за тобой пришёл. Сказал что ты здесь должен быть. Может тебе задним двором убежать?

– Зачем убежать – искренне удивился Кашевар – Если стража хочет меня видеть, я с ней пообщаюсь. Приведи его на кухню. Мне от плиты не отойти сейчас. Каша подгореть может.

– Хорошо – немного успокоилась Агнешка – но если нужно будет, я тебе ход с кухни покажу, чтобы убежать можно было – и, не дожидаясь ответа Кашевара, убежала

Тот только улыбнулся её подростковому задору.

На кухню вошёл Войцех.

– А, здравствуй, Войцех – приветствовал его Кашевар. Что это ты решил меня навестить? До полудня ещё есть время. Я пока не готов тебе отдать вторую часть. Я её ещё не готовил. Или случилось что-то?

– Кашевар, ты кудесник! – с порога заявил Войцех – Я сделал как ты сказал. Сварил отвар, добавил мёда. Пил по чаше каждый раз, когда становилось больно. Боль уже не в боку, а ниже. Я первый раз выпался, за последние три дня. Но сегодня капитан дал мне выходной, зная мой недуг. Я пришёл на пост, а он меня чуть ли не выгнал. И возле ворот ты бы меня не нашёл. Решил сам к тебе прийти. А про твои «Пашотские яйца» уже весь город гудит. Хоть и времени прошло не много. Все вечера ждут. Кстати! Откуда ты знаешь что я Войцех? Я тебе не представлялся!

– Ну, тут всё просто. Я слышал как ты назвался отцу семейства, который не хотел платить за своих детей. Я помню про своё обещание и предаю тебе следующую часть зелья. Но тебе придётся чуть-чуть подождать. Постояльцам нужен завтрак

– Работай, Кашевар. Я не спешу. Тем более что у меня есть часть отвара во фляге. Делай что должно.

Во время разговора Кашевар продолжал помешивать кашу на плите.

– А чем это у тебя каша пахнет? – удивился Войцех – Как-то сладко больно.

– Я вместо воды молоко добавил. Для овса для утра это самое то. А если ещё кусочек масла сливочного бросить... Ммм... Обедение...

– Не обманул, значит... Кашеваришь. Угостишь?

– Извини, Войцех. Завтрак только для постояльцев и работников. Поселяйся к нам и ешь.

– Ты же главный на кухне. Что, не дашь мне поесть?

– Ты прав. На кухне я главный. Но еда не моя. Она Кассиана. Спроси у него. Если скажет – я налью. Если нет – не обижайся. Еда – не моя.

– И ты думаешь, он мне откажет? Я же Стражник

– Не важно что думаю я. Важно что решит он. Скажет накормить – накормлю. Это его таверна. Здесь его законы, а не моё слово.

– Вот ты как... Кашевар... Есть я пока не хочу. Но слова твои запомню.

– Не сердчай, Войцех. Ты работаешь по уставу служебному. Я – по человеческому. Будь еда моей – ни минуты бы не думал. Накормил бы от пуза.

Войцех сидел насупившись. Обиделся. Кашевар видел это, но не говорил ничего. Пусть сам это переживёт.

– Раз уж ты пришёл, давай я тебе зелье приготовлю. – сказал Кашевар и достал из котомки травы, которые собрал ещё вчера. Немного пожухли, но это не страшно. Даже если бы высохли совсем, может даже проще было бы. – В каком месте у тебя боль уже ощущается? До паха добралась или ещё в боку?

Войцех, радуясь смене темы, сказал:

– Уже в паху. В самом верху. Зато мочусь я без боли! – гордо сказал он, как будто это чисто его заслуга.

– Значит сегодня-завтра камень выйдет. Ты главное не забывай воды пить побольше. И не только зелье, но и просто воду. Чашу зелья – две чаши воды. Так камню идти проще будет.

Кашевар говорил и при этом не забывал помешивать кашу в котелке, ягоды в воде и в медной ступке перетирать травы. Подготовил кашницу. Капнул отвара из ягод.

– Только не забудь мёда добавить

– А у тебя здесь нет, что ли? – искренне удивился Войцех. Это же кухня. Здесь что угодно может быть.

– Может – согласился Кашевар. – только это не мой мёд. Вот травы – уже мои. Из них я для тебя и готовлю. И слово своё не нарушаю. Оставь побольше отвара на конец. Когда камень будет уже почти у выхода. Там боль будет очень сильная. Отвар хоть чуть-чуть, но поможет. Можно, конечно, маковую пыль тебе посоветовать, но оно для тебя только хуже сделает. Боль снимет, но потом без него ты не сможешь. Не используй его никогда.

Войцех всё равно сидел насупившись. Видно, задела его слова Кашевара. Молча взял аккуратно завернутый в пергамент травяную кашницу.

– Сколько с меня?

– Ты или забыл, Войцех, или не слушал меня вчера. Травы – те же, что я вчера собрал. Знания не изменились. Нового нет ничего. Зачем платить два раза за одно и то же?

– Но ты за несколько монет сделал то, что Целители обещали сделать за пятьдесят и то, без гарантии! Почему я не могу тебя просто поблагодарить?

– Давай с тобой сделаем так. Если ты действительно хочешь меня отблагодарить, сохрани эти деньги. И если возле ворот появится кто-то, кто не сможет заплатить за вход, но ты увидишь, что этот человек достоин пройти в город, отдай их ему.

Войцех взглянул в глаза Кашевару и утонул в их бескорыстности.

– Пусть будет так, – тихо сказал он и молча вышел с кухни.

Через несколько минут в кухню вбежал Кассиан.

– Мне Агнешка сказала что за тобой Стража пришла.

– Не за мной, а ко мне. Всё хорошо, Кассиан. Это друг приходил. Его визит нисколько не помешал мне работать. Завтрак скоро будет готов.

– Не пугай меня, Кашевар. У меня на тебя уже есть планы. Пусть даже и на пятнадцать дней. Если будет нужно, и даже если это не будет твоей просьбой о помощи, ты просто скажи. Я помогу тебе просто так.

– Спасибо, тебе, Кассиан! Я не забуду твоих слов. Но сейчас помощь мне не нужна. И в делах со стражей вряд ли понадобится. Ты не забыл, что у нас нет ни рыбы, ни яиц для обеда? И если нужна «Царская уха», то и жилистого петуха было бы не плохо получить. Не думаю, что кто-то из постояльцев опять затопчет бедную птицу. Сегодня я полностью пойму, что нужно будет закупить и нужно будет пополнить остальные запасы.

– За продуктами на рынок я пойду сразу после завтрака. Так что всё будет. Не беспокойся по этому поводу.

– Хорошо, Кассиан. Тогда я понаблюдаю за гостями за завтраком и скажу что ещё нужно будет принести. Я почти закончил готовить. Мы можем сесть завтракать минут через десять.

Рассвет едва тронул окна таверны, когда гости начали собираться на завтрак. Первыми пришли персы. Их Кашевар ещё вчера заприметил. Вместе с традиционной кашей, передал им на стол по тарелке хумаса⁶. Не классического из нута, а из обычного гороха. И вместо кунжутной пасты, сделал пасту из фундука и подсолнечника. Ну и специи, которые были и, чтобы текстура была более кремовой, ледяную воду по ложке во время готовки. Пусть ингредиенты совсем другие, но результат Кашевар назвал для себя хумусом. А девчёнкам сказал что это протёртая гороховая каша.

Наблюдая за гостями, Кашевар услышал возбуждённый говор со стороны стола персов. Скорее удивлённый, чем встревоженный. Кассиан тоже за ними наблюдал. Позвал к себе проходившую мимо Иренку. Та, выслушала его и побежала к окошку выдачи

– Кассиан просит немного гороховой каши попробовать – скороговоркой выпалила она.

Кашевар положил немного хумуса в плошку и передал ей. Она буркнула что-то на ходу и побежала к Кассиану. Вроде и торопиться не нужно, и заказ никто не просить, но всё равно бегом. Вот что значит подростковая энергия.

Кассиан взял ложку, попробовал, поцокал языком и посмотрел в окно раздачи. Прямо в глаза Кашевару. Широко улыбнулся и поднял большой палец. Подозвал обоих девчёнок и что-то сказал им. После этого, гороховую кашу стали заказывать чаще.

В то же время Кашевар следил за гостями. Внимательно и открыто, но запоминал не лица, а привычки:

кто ковыряет в тарелке ложкой с неохотой, кто нюхает еду, перед тем как начать есть, кто добавляет в еду масло, кто запивает большим количеством разбавленного вина. Вроде как и мелочи, но о привычках и предпочтениях сказать может много. Пригодится, чтобы приготовить обед более индивидуально. Пока он наблюдал, Иренка и Агнешка, получив одобрение Кассиана, начали предлагать «гороховую пасту» и другим гостям, и те охотно соглашались

После завтрака Кашевар привычно наводил порядок на кухне. Убирал уже не нужную утварь, вытирал столы и ножи, вынес ведро с помоями в выгребную яму. За этим делом его и застал Кассиан. Зашёл на кухню, вытирая руки о фартук.

– Чудная каша у тебя получилась для персов. Холодная совсем и как паста. Хоть на хлеб мажь. Но видно что персам она понравилась. Да и другие, кто попробовал тоже удивились. Её тоже всю съели?

– Нет. Она пока ещё осталась. Но ты правильно заметил. Её едят холодной. Я её на ледник вынес. Она там несколько дней не испортится. Если раньше не съедят. Вообще это восточное блюдо, но на наш манер. Потому персам и понравилось.

– Очень понравилось! Мне их старейшина после завтрака отдельно подошёл спасибо сказать и монет отсыпал за завтрак, хотя он в стоимость комнаты входит. Повезло мне с тобой, Кашевар. Чего с рынка принести? Только петуха, рыбу и яйца или ещё что надумал?

– Полная картина у меня будет, когда я сегодня порядок до конца наведу. А так: свинина – на исходе. Её северяне хорошо едят. Принесёшь большой окорок, запекую целиком куском. Капусты натушу к ней. И северянам будет приятно, и как закуска вечером под пиво очень хорошо пойдёт.

Ячменная крупа – ещё есть, но муки – нет. Лук – свежий, пока его достаточно. Но чеснок – подгнил. Лучше нового принести. А тот, который есть, лучше выкинуть. Можно попробовать его засушить на потом, но вся кухня и зал чесноком пропахнут. Так, что глаза слезиться будут. Может потом на улице его высушу. Свежий нужен

Сушёные грибы – закончились вчера.

⁶ Хумус – популярная ближневосточная закуска из пюре нута с добавлением кунжутной пасты

Плюс для персов нужно что-то особенное приготовить. Они у тебя самые важные, судя по шелкам и украшениям. Так что нужен рис и баранина. Плюс ягоды барбариса или калины.

Кассиан старательно записывал всё что сказал Кашевар.

– Всё?

– Пока всё. Точно тебе скажу завтра. На сегодняшний обед хватит с запасом. А вот на потом завтра будем закупаться. Я с тобой на рынок пойду. Сегодня нужно порядок навести.

– Хорошо. Только торговаться я буду. Ты просто будешь говорить, что нужно.

День только начинался.

Кашевар засучил рукава и взялся за работу. В начале перебрал овощи. Всё по отдельности. Картофель в отдельный мешок и отдельно от остальных овощей. Так... его мало. Поставил себе заметку в голове на память. Да и та что есть, прорастать начала. Вот что бывает, когда всё вперемешку. Пастернак, корень сельдерея, морковку – по отдельным корзинам. Их можно и друг на друга поставить, чтобы место не занимали.

Взял небольшой чугунок, насыпал в него золы побольше, залил водой и отставил в сторону. Нужно сделать мыльный раствор. Не просто щёлок, как он лесу делал, а с жиром поварить, а то он котлы до завтра не отмоет.

Бочка из-под воды. Здоровая, зараза. Хорошо что после завтрака в ней только половина осталась. Сильными руками поставил её на ребро и перекатил между столом и плитой. Чтобы удобнее брать было. Получилось что от раковины далеко. Где-то я бочку видел... Пошёл на конюшню.

– Велеслав, есть бочка пустая, под воду? Хочу на кухню ещё одну поставить.

– Вот там в углу посмотри, – ответил конюх – продолжая седлать чью-то лошадь. – там где мусор весь свален

Кашевар отошёл в угол. Выбрал бочку побольше, почище и поцелее. Заметил что-то в куче мусора. Подошёл, наклонился и внимательно посмотрел.

– Велеслав, а что тут пила делает и коса? Почему не со всеми инструментами? Хотя... Понял почему. – ответил он сам себе. Коса лопнула, у пилы половины зубьев нет и ручка отломана.

– Да они сломанные. Они здесь валяются, сколько себя помню. Вместе с остальной рухлядью. Кассиан сказал, накопится большая куча, вызовет старьёвщика, чтобы забрал всё скопом.

– Понял тебя. Спасибо – сказал Кашевар. Взял бочку, чуть крикнул, взвалил её себе на плечо и понёс к колодцу.

Велеслав уважительно посмотрел ему в след. Седина в бороде и в волосах, а поднял спокойно и понёс. Не всякий молодой так сможет. Тут сноровка нужная, чтобы на плечо положить. А он – раз! – и взвалил.

Кашевар отмыл бочку травой с песком до чистоты и отнёс на кухню. Вот теперь можно и воды натаскать. Но перед этим, аккуратно слил воду с золы в другой котелок, добавил туда жира, которого на плите и грязных сковородках было много. Жир – от всего: птицы, мяса, невесть чего ещё. И подгорел он местами. Там где совсем не скоблился со старой поверхности, поливал щёлоком. Очистил плиту и мутное, не очень хорошо пахнущее варево, поставил на плиту. Нужна не эстетика, а эффективность.

Принёс воды, критически осмотрел пол. Взял большой нож и стал скоблить самые страшные пятна. Через некоторое время взял большую тряпку и начал намывать ставшими свежими половые доски. Удовлетворённо посмотрел на результат своих трудов.

Собрал все пустые сковородки, котлы и котелки и пошёл на колодец отмывать въевшуюся грязь и копоть. Горячий котелок с жидким мылом отнёс ухватом⁷, чтобы не обжечься.

⁷ Ухват – ручной инструмент для перемещения глиняных и чугунных горшков для еды

По чуть чуть налил в каждый котел и долил воды. Пока будет один мыть, другие отмокнут. Начал с самого чистого. Самый грязный – в самом конце. Пусть дольше всех стоит. За этим занятием его и застал Кассиан

– Все продукты я тебе на кухне на стол положил. Раньше бы место выбирал, куда поставить, а сейчас и на пол не страшно положить. Кухня, конечно, преобразилась. А что это у тебя тут в котелке – с опаской он понюхал остатки мутного варева?

– Мыло, самое простое и доступное. Чтобы посуду отмыть можно было быстрее.

– Ты мыловар? Откуда знаешь?

– Нет, Кассиан. Мыловаром мне быть не приходилось. Но как делать знаю. Чтобы хорошее мыло приготовить, тут опыт нужен. А у меня его мало. Так... Котелок отмыть или рубаху постирать ещё могу что-то приготовить, а так чтобы руки мыть или лицо – щипать будет.

– А можешь для Элианы сварить, чтобы ей посуду мыть сподручнее было? А то мыло покупать дорого, а если ты что-то сможешь сделать, чтобы быстрее было посуду возвращать в зал, будет замечательно.

– Меня Элиана через день проклянёт. Она себе руки до кровавых мозолей сотрёт. Я попробую. И если решу что ей будет плохо, не обессудь, Кассиан. Вылью и глазом не моргну.

– Ты попробуй. После пашотских яиц и гороховой пасты я уверен что у тебя получится. Если нет, значит нет. Если ты решишь что не получилось, значит так оно и будет. Я даже проверять не буду. Сегодня сделаешь?

– Нет, Кассиан. За сегодня не сделать. Завтра нужно будет на рынке докупить кое-чего. А вот завтра к вечернему времени может будет готово. Можно будет этим пользоваться или нет завтра и посмотрим. – пока говорил, Кашевар продолжал чистить котлы

– Послушай, Кассиан, я когда бочку на конюшне брал, видел там у тебя кучу хлама. Дай мне из неё пилу сломанную, косу, да обруч от бочки старый

– Зачем тебе? Они же старые. Я их старьёвщику продать хотел.

– Нож хочу себе сделать. Старый я утратил. Возьму железо, схожу в кузницу и сделаю себе новый.

– Ты ещё и кузнец? Есть что-то такое, чего ты не умеешь? – удивился Кассиан

– Есть, конечно – улыбнулся Кашевар. – Детей я рожать не умею. Зерно растить. Вот поле вспахать могу. Даже засеять смогу. А вот вырастить – нет. Я на одном месте никогда не сижу. А следить за полем – это себя к нему приковать. Я так не могу. Да и ещё много чего не могу. Знаю много, тут спорить не буду. Но не всё.

– Давай так с тобой договоримся – ты мне мыло, а я тебе разрешу железяк всяких из кучи себе выбрать. Устроит тебя так?

– Более чем устроит. Это будет честно.

– Ну, тогда на том и порешили. До обеда тебя трогать не буду. Вижу что лучший способ помочь тебе – не мешать. Ты и так знаешь что нужно делать.

Готовить обед на чистой кухне, когда всё лежит там где удобно брать и ничто друг-другу не мешает, одно удовольствие. Что готовить – понятно. «Царскую уху» со вчера ждут, так же как и Пашотские яйца. А вот похлёбке сегодня не место. И так много всего будет. Похлёбка лишняя. Как и обещал, поставил окорок томиться в печь и капусты натухил целый котёл. А вот для персов – отдельное блюдо: плов с ягнёнком. Но, как обычно, со своим колоритом. Перца меньше, чем они привыкли. Целый казан они не съедят, нужно и для других гостей оставить. Да и специи не все есть. Но, работаем с тем что есть. Морковку только жёлтую. Лука – побольше. Ягнёнка с костями. Они вкус дополнительный дадут.

Работа началась, когда начали подходить гости. Персы пришли последними. Кашевар взял большое блюдо и позвал обеих девчёнок.

– Несите аккуратно. Не бегите, а то растеряете по дороге половину.

На большом блюде – плов: рис, баранина, морковь, лук, специи. Рис получился золотистый. Каждая рисинка в отдельном мешочке из сочного жира. Казалось что пар на блюде можно было потрогать. Аромат стоял невообразимый. Все постояльцы и Кассиан с удивлением смотрели на стол персов.

Старейшина персов отложил ложку в сторону. Зачерпнул рукой горсть риса. Попробовал. Закрыв глаза.

– Я хочу видеть повара, – сказал он тихо.

Двое молодых персов вскочили и побежали на кухню.

Через несколько мгновений – грохот. Они вылетели из двери и ударились о стену, как мешки с песком и остались лежать.

Все замерли.

Из кухни вышел Кашевар. Спокойно. В руках – глиняный кувшин.

– Простите за них, уважаемый – сказал он, подходя к столу. – Они хотели привести меня силой. Они ворвались, когда я не мог отойти. Возможно, я был слишком резок, но они не хотели меня слышать. Я пришёл сам. Блюдо было ещё не полное.

Он поставил кувшин перед одним из персов.

– Вы – из Хорасана. Там в плов кладут барбарис. Или пьют гранатовый сок. Остальные – из основной части Эмиратства. Там предпочитают сладкий плов. Я не стал добавлять барбарис. Я принёс тебе сок из Калины. Не такой, как гранатовый, но очень похож. Тоже кислый, но более сладкий. Я немного разбавил его водой. Он может стать хорошей заменой.

Старейшина внимательно смотрел на Кашевара.

– И ты извини моих спутников за излишнюю поспешность. Они ещё молодые и не привыкли к тому, что поспешность не всегда к месту. И они слишком рьяно стараются исполнить то, что я им говорю. Иногда не дослушав, что я им скажу – он строго посмотрел на двоих, которые с опаской подошли к столу и следили за Кашеваром – С тем, как ты их остановил, к тебе нет претензий. Они должны были дослушать, что я хочу пригласить тебя к столу побеседовать. Я никогда ещё не ел такого плова за пределами родины, – сказал он. Меня зовут Данияр. За этим столом все сделают то, что я им скажу.

– Я много где ходил, уважаемый – ответил Кашевар. – Много видел.

– Ты не перс.

– Нет.

– Но знаешь душу нашей еды. Твоё мастерство заслуживает награды. Скажи что ты хочешь и я отблагодарю тебя.

– Я просто делаю что должно. Моя задача сделать так, чтобы каждый гость остался доволен – ответил Кашевар – Хотя... Возможно есть одна вещь, которая будет для тебя необременительной, а мне будет хорошей помощью.

Данияр внимательно слушал. Не перебивал.

– Есть такая специя. Хинг⁸. Её не привозят к нам, потому что никто не любит. Но путешественники часто берут её с собой, чтобы готовить во время переходов.

– «Дьявол навоз»? – удивился один из персов. – никто кроме нас её не ест. Ты знаешь её секрет?

– Действительно, есть среди прочих названий у неё и такое. Незаслуженное. Она действительно очень сильно и не вкусно пахнет. В блюда её нужно ничтожно мало. И для того, чтобы она не пахла, её просто нужно очень сильно прокалить с маслом. Если у вас есть немного, это

⁸ **Хинг** – одно из названий смолистой специи асафетиды, которая имеет резкий запах, напоминающий лук и чеснок, но при приготовлении придает блюдам мягкий, пикантный вкус. Так же известны названия: «вонючая смола», «дурной дух», «чёртов кал», «асмаргок», «илан»

было бы лучшей наградой для меня. Мне всё равно, в каком виде она будет – куском смолы или уже перемешанная с мукой. Я бы тогда смог приготовить настоящий дал⁹ для вас.

Старейшина кивнул.

– Ты получишь её.

Кашевар кивнул и пошёл на кухню работать дальше.

Постояльцы поели. После тих поели и те, кто пришёл с улицы. Пашотских яиц было продано множество. Уху опять всю съели. Мясо с капустой тоже разошлось всё. А вот плова осталось не много. Может быть на две порции. Не больше. Кашевар переложил остатки в миску и отнёс на ледник. Он с удовольствием съест его на завтрак, вместо каши. Может и Кассиан захочет присоединиться.

Кассиан вошёл на кухню.

– Данияр дал мне золотую монету и велел уважать тебя и поднять тебе жалование – будто я сам не знаю что ты не простой Кашевар. Но он был очень доволен и убедителен. Сказал что хочет послезавтра привести своих знакомых – персов. Просит чтобы ты приготовил их родные блюда. Их будет две дюжины человек. Куда их всех сажать одновременно... Придётся столы сдвигать. Сказал что «дьяволов навоз» от завтра принесёт. Сказал что будет ждать дал от тебя. Сказал что если это будет настоящий дал с хингом, то я получу ещё один золотой. Если ты сделаешь так, что они будут довольны, можешь хоть все железки из мусорной кучи забрать. Денег же ты от меня не возьмёшь?

– Не возьму. Зачем они мне? Да и всё железо мне тоже не нужно. Пила, коса и обруч. Этого будет достаточно. И не за обед, а за мыло. Мы же с тобой уже договорились.

– Хорошо, раз так. Но я подумаю как тебя отблагодарить.

Ночь опускалась на город. Кашевар навёл порядок после рабочего дня. Воды и дров решил натаскать с вечера, чтобы утром можно было раньше освободиться и пойти на рынок с Кассианом.

В дверь кухни вошла девушка. Взгляд испуганный, в глазах боль. Но видно что боль старая и она к ней привыкла. Личико симпатичное, но одно плечо выше другого. Спина искривлена, движения дёрганные, как у марионетки, у которой перепутали ниточки.

– Кассиан сказал прийти к тебе и сделать так, чтобы тебе было хорошо.

С этими словами она развязала завязки у горла и опустила верх платья

– Подойди-ка сюда, милая. Как тебя зовут?

– Кривая. Так меня все зовут. Но ты можешь называть меня так, как хочешь. На эту ночь я вся твоя.

– А как тебя зовут по настоящему?

– Лада...

– Повернись спиной, Лада. Дай на тебя посмотреть.

Она осторожно подошла. Испуганно повернулась спиной.

– Только прошу тебя, будь осторожен. Я ещё невинна.

Кашевар ничего не сказал. Сильными пальцами ощупывал её спину. Потом сказал.

– Ложись на скамейку.

Та послушно легла, стыдливо прикрыв грудь руками.

– Ложись на живот. Голову поверни вот сюда. Не бойся. Плохого я тебе ничего не сделаю.

С этими словами он сильными пальцами надавил на выпирающий позвонок так, что что-то явственно хрустнуло. Лада вскрикнула и потеряла сознание. Кашевар нажал ещё в несколь-

⁹ Дал – восточное блюдо из дроблёных бобовых (горох, чечевица, фасоль), которые не требуют замачивания перед приготовлением. Термин также часто используется для различных супов, приготовленных из этих бобовых.

ких местах. Хруст был не такой сильный, как в первый раз, но девушка вздрагивала. Пальцы Кашевара скользили по спине. Где-то сильно давили, где-то мяли, где-то мягко, почти нежно гладили. Потом он аккуратно взял её на руки и отнёс к печке на свою лежанку. Взял из очага несколько тёплых камней, завернул в тряпицу и положил на спину на только только ему видные места. Аккуратно укрыл её циновкой. Повернул голову чуть на бок и подложил свою котомку ей под голову. Сам пошёл на скамейку, лёг на неё и заснул.

День третий

Лада с удивлением проснулась на полу возле печки. Повернулась на бок. Камни тихо соскользнули по спине. Она испуганно вскочила. И только потом поняла. Стоит ровно. И при этом ей не больно. Осторожно повела плечами... Боли нет. И плечи почти ровно. Но держать их так пока не привычно и сложно. Выглянула в окно. Кашевар стоял возле колодца без рубашки и умывался ледяной водой прямо из ведра, громко отфыркиваясь. Голова седая, но тело крижистое. Как из тугих канатов. И шрамы. Очень много. И на спине и на руках. Грудь и живот она не видела.

Кашевар остановился и посмотрел в окно.

Лада испуганно спряталась. Только бы не заметил... Оделась и быстро убежала из кухни. В зале сидел Кассиан. Удивлённо посмотрел на ровную, хоть и быструю походку девушки.

– Ты чего? Он тебя обидел, что ли? – испугался он

– Нет. Не обидел. Но я не знаю что он со мной сделал. Вчера я разделась перед ним, он положил меня на лавку, куда-то нажал и всё... Очнулась я на лежанке возле печки с камнями на спине. Встала уже такой. Смогла выровняться. Но я не чувствую, что была с мужчиной. – она испугалась – хозяин, прости меня. Я не уверена, что сделала ему хорошо

– То что он с тобой что-то сделал, это я вижу. А сам он где?

– На улице. У колодца умывается.

Кашевар вышел в зал. Волосы мокрые, взгляд пронзительный, как обычно. На теле чистая рубаха.

– Доброе утро, Кассиан. Доброе утро, Лада. Как ты себя чувствуешь? Несколько дней, пока тело не вспомнит как ходит прямо, тебе будет тяжело ровно стоять. Но это быстро пройдёт. Просто пока не напрягай спину сегодня и завтра. И твоя боль больше не вернётся.

– Ты что, не оценил мой подарок, – удивился Кассиан. – я прислал её к тебе не лечиться, а для другого.

– Спасибо тебе, Кассиан. Ты прислал мне подарок и я принял его так, как это должно. Нет больше Кривой. Есть девушка Лада. Очень симпатична и, судя по всему, добрая. Это ценный дар от тебя.

Лада покраснела и убежала из таверны.

– Ну ты даёшь, Кашевар. Я думал что раз ты денег не берёшь, то хоть девку тебе подарить. Она хоть и Кривая... была, но невинная. Я же от чистой души... – подумал немного и добавил – Отец у неё очень злой. Увидит, что она красотка, что больше не Кривая, да ещё и девица, будет беда.

Кашевар задумчиво потеревил бороду, но во взгляде не было ни тени сомнения.

– Решим эту беду, Кассиан. Давай завтракать, да на рынок пойдём пораньше. Дел сегодня много.

Завтрак закончился быстро. Кассиан, как и предполагал Кашевар, решил поесть утром плова. Кашевар разогрел его с бульоном на медленном огне. Плов получился сочным, жирным, ничем не хуже чем накануне. Девчёлки поели горохового хумуса с лепёшками и овсяную кашу. Кассиан внимательно следил за ними, по отечески радуясь их аппетиту. Ели быстро. Кассиан понимал, что сейчас нужно много чего купить на рынке и уже подумывал нанять носильщика или даже телегу. Сидел, задумчиво ковыряясь в миске

– Кашевар, а вообще, много нам нужно будет купить? Носильщика хватит? Или он окочурится тащить всё?

– Если будем готовить пир для персов, там много нужно. Они привыкли на пирах есть много. И чтобы блюд было много. И чтобы мяса разного было вдоволь. И хлеба. И чтобы ещё

и сладости были. Если ты хочешь, чтобы они остались довольны, тут придётся постараться. Я пока ещё не знаю, что буду точно готовить. Нужно посмотреть что из продуктов есть на рынке. Из таких, чтобы не стыдно было персам поставить. Другое дело, что они всё не съедят. И угадать что останется невозможно. Я же не знаю, кто будет на пиру. Данияра со спутниками я видел. Но их же будет две дюжины. Да и блюда хотелось бы приготовить такие, чтобы на следующий день можно было есть. Мне бы помощника на завтра. Да и на сегодня на вечер, чтобы заготовки сделать, без ущерба для основного обеда. Пир-пиром, но сегодня же тоже народ есть будет. – задумчиво размышлял Кашевар. – Знаешь что, позови Ладу.

– Ага! Всё-таки понравилась?

– Девушка она хороша. И видно что работающая. А так, и от отца её, хоть не надолго уведём, и я ей спину ещё немного подправлю. И руки будут на кухне дополнительные. Позови её на вечер и на день завтра. И было бы не плохо ей угол какой-нибудь на ночь оставить.

– У тебя возле печки? – ехидно спросил Кассиан

– Нет. Лучше ей не на полу спать. Перина тоже не нужна. Можно на сеновал её на конюшню положить. Если Велеслав её обижать не будет – Кашевар строго посмотрел на молодого конюха. Тот поперхнулся и начал оправдываться.

– Что я, не понимаю что ли. Пусть ночует. Она в одном углу, я в другом. За ночь и не увидим друг-друга.

– Добрый ты человек, Кашевар. Кривую пожалел...

– Не Кривую. Ладу. Она уже не та, что раньше была. И руки мне всё равно на кухне дополнительные нужны. Тут или она или из вас кто-нибудь брать. Но я думаю что вас своих дел не мало.

– Ладно. Позову её. Поедем на телеге на рынок. Сделаем небольшой крюк, заедем к ней. Может и успеем забрать её до того, как её пьяный отец проспится и увидит. Но на работу я её брать не буду. На пир с персами в помощь тут я согласен. А так ты и один на кухне справишься. Велеслав, поешь, готовь телегу. И мы с Кашеваром тронемся.

Кашевар с Кассианом неспешно ехали в телеге по городу. Кашевар внимательным взглядом смотрел по сторонам, примечая различны мелочи, понятные только ему. Молча думал. Потом сказал.

– Лада, когда на кухню придёт, пусть всю картошку почистит. Там меньше пол мешка осталось, но картошка уже не очень хорошая. И пусть её вариться ставит. И лук пусть почистит. Тоже весь. И порежет его не очень толстыми кольцами. Пока мы с тобой ездить будем, начало для пира и обеда положено будет.

– А чего это весь лук почистить? Там же его много.

– Лука много нужно будет. Если останется, я замариную. Будем к блюдам добавлять. К любым.

– Ну, тебе виднее. Вон видишь дом с синей крышей? В нём Лада с отцом и сёстрами живёт. Отец у неё пьёт шибко. И руки всегда распускает. Дочерей ни в грош не ставит. Заставил их на панель идти. Бьёт их всегда, когда денег мало приносят. А Стража как будто не видит. Самые дешёвые уличные девки у него, потому что всегда в синяках и зашуганные. Видишь, даже Кривую... – он осёкся и поправился – Ладу, мне продал за гроши. Её не брал никто, даже не смотря что девица. Страшенько уж было на неё смотреть, особенно на голую. Её он тоже бил. Говорят он её в детстве избил, когда она за мать заступилась. После этого она Кривой и стала. А сейчас проспится, посмотрит на неё и заставит на работу идти. И цену заломит. А она девушка тихая, но скромная. Если будет перечить ему, тот и зашибить может. Ты правильно решил, пока её у нас подержать. Пару дней мы ей купим. А потом что? На работу я её не возьму.

– Пара дней это большой срок. За эти пару дней мы точно решим как с ней быть.

Кассиан остановил телегу возле дома. Кашевар видел, что Лада украдкой наблюдает за ними в чуть приоткрытую дверь. Кассиан поманил её пальцем. Поговорил с ней. На лице Лады испуг сменился удивлением, потом радостью. Она сдержанно кивнула и, не заходя в дом, пошла в сторону таверны.

– Ну что, Кашевар. Одно доброе дело мы с тобой сделали. Но как бы хуже потом не стало.
– Не станет, Кассиан. Всё идёт как должно идти.

Они не спеша ехали к рынку

– Вот скажи мне, Кашевар. Зачем ты здесь. Я даже не говорю что у меня в таверне. Сам сказал, что мне просто повезло. Обычно когда так сильно везёт, потом что-то плохое будет. – Кассиан суеверно постучал костяшками пальцев по телеге – Ты же не ко мне пришёл. А в город. Зачем?

– А если наоборот – тебе не повезло, когда у тебя повара убили а я не удача, а компенсация? – Кашевар улыбнулся. Открыто, тепло. – А вот зачем я в городе, я тебе не скажу. Поживу здесь немного и дальше пойду. И сегодня, после рынка, ты в трактир поедешь без меня. Я через пару часов вернусь.

– Ладно, Кашевар. Мы с тобой договаривались. Здесь вопросов к тебе нет. То что ты говорить не хочешь, обидно, конечно. Не доверяешь ты мне значит. Но раз не говоришь, значит есть у тебя на то причины. Может быть потом расскажешь.

– Может и расскажу. Или сам поймёшь. Но то что не обижаешься и не расспрашиваешь, за это тебе спасибо. И за то что ты Ладе помогаешь, тоже спасибо. Мало таких людей осталось.

– Это я на тебя глядя такой добрый. Не попросил бы, я бы и не подумал даже. Девочку жалко, конечно, но для таких вещей Барон есть. Это его дело должно быть.

А вот скажи мне, Кашевар, откуда ты так много знаешь? По седине в бороде понятно что ты уже давно этот мир топчешь и мог всего этого в пути набраться. Но ведь просто знать мало. Нужно же ещё и уметь. Я вот видел и знаю как похлёбку варить. И сам может и сварю, но не факт что её потом гостям подавать можно будет. Тут опыт нужен – когда жара больше, когда меньше, когда травы класть. А ты, такое впечатление, что не только знаешь, но и умеешь. Блюда твои чудные, Марека ты спас, Персам угодил, Ладу вылечил. Мыло мне сваришь – с этим словами он улыбнулся и ткнул Кашевара локтем в бок – при этом ты Кашевар. И повар из тебя – я таких не видел. Как бы Барон не прознал и тебя к себе у меня не забрал – вдруг погрузстнел Кассиан.

– Не может же он меня к себе силой забрать. Я у тебя работаю. Меня всё устраивает. Нет у Барона ничего такого, что у тебя есть. Деньги? Так они мне не нужны. Слава? На кой она мне. Ею в дороге не укроешься. Что до опыта – то тут тоже всё просто. Да, я уже не молодой, но в дороге сколько себя помню. И ел не всегда досыта и спал не всегда в тепле. Вот потому и приходится не просто ремёсла знать, но и пробовать что узнал. И тут любой опыт хорош.

– Так может ну её эту дорогу. Оставайся у нас. Агнешка с Иренкой тебя полюбили. Как доброго дядюшку. Они мне признались что есть стали не только потому что вкусно, но и потому что не хотят тебя обидеть. – при этих словах Кашевар удивлённо приподнял бровь – Да, да, Кашевар. Не удивляйся. Полюбили они тебя. Велеслав тебя уважает. Он мне рассказал, как ты вчера бочку нёс. А я тебе комнату выделю. Твою собственную. Жалование тебе хорошее положу. Будешь всегда в тепле и есть досыта. И уважение от постояльцев у тебя будет. Чем не жизнь. Хочешь, я тебе сейчас рубаху новую куплю. Просто так.

– Спасибо тебе, Кассиан, за слова добрые. Но не моё это всё. И рубаха новая мне не нужна. Две у меня уже есть, зачем мне третья? Мой дом дорога. Птица, посаженная в самую красивую золотую клетку перестает петь. Так и я. Мой дом дорога. А город – клетка. Закончу дела и домой, в дорогу.

Кассиан грустно с ним согласился. Может закончит Кашевар дело своё и передумает? Но где-то в глубине понимал – не передумает.

Рынок шумел. Люди торговались. Телеги гремели.

– Видишь женщину, которая пирожками торгует. Ну, грустную такую. Это Милёна. Её весь город знает. Трёх мужей похоронила. И детей так и не смогла завести. Говорят проклятие на ней. Она добрая, но в пирожках теперь спокойствие ищет. Пирожки у неё вкусные. И с повидлом, и с картошкой. Я у неё иногда заказываю в зал, когда похлёбка надоедать начинает и нужно постояльцев чем-то ещё накормить. Хочешь попробовать?

– Мы же с тобой только позавтракали. Куда ещё пирожки? Не хочу, Кассиан. Спасибо. Но ты если хочешь, можешь взять.

Кассиан остановил телегу, спрыгнул на землю и пошёл к Милёне. Купил у неё пирожок и запрыгнул обратно.

– Ну что, с чего начнём? Вон в той стороне – мясо, там – овощи всякие, там – травы. Рыба отдельно ото всех, чтобы запахом не пугать всех. Ну и всякая всячина везде может быть. Сыры с молоком отдельно.

– Давай с овощей начнём. Посмотрим что там есть решим. Ты картошки сколько обычно берёшь.

– Ну... Обычно пару мешков. Иногда три, если постояльцев много.

– Так, тогда возьми мешок вот этой картошки и мешок вон той. У того торговца.

– Зачем это – удивился Кассиан. – Картошка она и есть картошка. А если у одного два мешка взять, то ещё и сторговаться можно. А тут с двумя торговаться. Всю глотку сорвёшь.

– Вот смотри Кассиан. Вот эта картофелина – жёлтая, гладкая, как светится изнутри. А та – тёмная вся, бугристая. Они разные. Первая, когда варить будешь, она разварится вся. Её для пюре хорошо использовать. А вторая – плотная, упругая. Её когда режешь, она даже похрустывает. Её лучше всего в суп бросать, жарить. Она не развалится. Для разных блюд разный картофель. И на вкус они чуть-чуть отличаются. Одна чуть сладковатая, а вторая более терпкая.

– Ни когда про это не думал. Картошка и картошка. А тут, эва оно как.

– Потому что кроме похлёбки у тебя ничего и не варили давно. Я вот уверен, что Милёна для своих пирожков с картошкой берёт светлую.

– Убедил. Буду торговаться. – и пошёл к прилавкам.

Кашевар бродил среди овощей. Увидел виноградные листья. То что нужно для долмы. Персы порадуются. Лука побольше нужно. Морковка есть ещё. Другие коренья тоже. Чечевицы бы красной найти для дала. Кашевар запоминал где что нужно лежит, чтобы Кассиану сказать. Тот подошёл. Красный, но довольный

– Они когда узнали, что я один мешок у одного беру, а другой – у другого. Сами начали цену снижать, чтобы я оба мешка у одного купил. Взял по мешку. Что ещё нужно.

– Да. Лука мешок вот этого. И было бы неплохо вот этого, синего, который плоский парочку луковиц. Он вкусный очень, если знать как использовать. Листьев виноградных, чечевицу красную. И здесь, пожалуй что всё.

Так они и передвигались от прилавка к прилавку. Кассиан торговался со всеми до хрипоты. Видно было, что не из-за цены. Сам процесс ему нравился. Ну, пусть развлекается. Накупили мяса, рыбы, яиц. Для мыла купили хорошего говяжьего жира. С удивлением Кашевар увидел айран¹⁰ среди прочего. Сказал Кассиану что для персов для пира нет лучшего питья. Купили и его.

У продавца хлеба Кашевар остановился. Тот стоял грустный. Кашевар внимательно посмотрел на его товар. Потрогал пальцем. Хлеб круглы, аккуратный, но чёрствый, как камень.

– Что это у тебя с хлебом случилось. Чего чёрствый такой.

¹⁰ **Айран** – кисломолочный продукт, с добавлением воды, соли и, иногда, специй и зелени

– Да вот, испёк его давеча начал на рынок собираться, но спину так прихватило, что два дня с кровати встать не мог. Он и зачерствел. Теперь только свиньям его. Жду, когда хоть за сколько-нибудь его возьмут

Кашевар позвал Кассиана

– Купи у него всё что есть.

– Зачем это? Такой хлеб даже свиньи есть не будут. Ты его что, постояльцем хочешь предложить? Они тебя этим же хлебом до крови изобьют.

– Верь мне, Кассиан. Они тебя за этот хлеб ещё и благодарить будут. А те, кто за деньги у тебя еду покупают, любую цену заплатят и ещё добавки просить будут.

– Ну... Раз ты так говоришь... – с сомнение в голосе сказал Кассиан – хорошо.

– Только не торгуйся. Сколько попросят, столько и заплати.

– Чего это? А вдруг он эти камни как горячий свежий хлеб захочет продать?

– Не захочет. Он тоже понимает что привычные деньги он за него не выручит.

Видно было, что Кассиану эта идея не нравится, но спорить не стал. Купил что есть.

– Ну что, Кассиан. Купили всё что нужно. Вези всё в трактир. А я через пару часов подойду.

Кассиан молча кивнул, сел в телегу и поехал с рынка.

Кашевар ходил по рынку. Примечал где что лежит, где что продают. Может попадётся то, что на кухне может пригодиться. И слушал. Рынок лучшее место для сплетен

– ... сосед мой жену свою с молодым конюхом застукал. Чуть не зарубил обоих топором. Хорошо Стража рядом была...

– ...слышал, говорят Барон отправил Флавия с воинами в лес, с разбойниками разобраться. Может хоть в Заволчье ходить можно будет спокойно, а то у меня там сестра живёт...

– ... давеча у соседа брата моей жены дочку маленькую украли. Среди бела дня. Куда Барон только смотрит...

И так со всех сторон. Кашевар слушал и запоминал. Вдруг пригодиться что. Издали увидел маленького мальчика. Худой, как щепка, босоногий, на лице – одни глаза. Щёки впали. Стоит возле лотка с пирожками Милёны. Глазами жадно пожирают пирожки. Рука дрожит, но втихаря тянется к пирожку.

Кашевар подошёл ближе. Посмотрел на Милёну. Глаза грустные грустные. Волосы не чёсаны, на платье следы муки. Видно что не следит за собой. Понюхал воздух. Пирожки действительно пахли очень вкусно. Встал так, чтобы видеть мальчика. Тот настороженно смотрел то на пирожки, то на Кашевара. Но руку больше не тянул.

– Доброго дня тебе, хозяйка. Очень вкусно у тебя пирожки выглядят и пахнут. Угости меня одним. А я тебе секрет расскажу

Та удивлённо на посмотрела на Кашевара. Голова в седине, взгляд добрый, но волевой. Рубаха чистая. Видно что не попрошайка.

– Если ты добавишь в тесто ложку мёда, у тебя у пирожков корочка хрустящая будет. Все будут их хруст издали слышать. А если ты ещё начинку перед печкой остужать будешь, тогда у тебя сока в пирожках больше будет.

Милёна недоверчиво посмотрела в глаза Кашевару.

– Я новый повар из «Сломанного меча». Если ты меня угостишь пирожком, я тебе ещё секрет покажу. Приходи вечером в таверну. Научу тебя.

– За пирожок? Зачем мне это. У меня и так пирожки хорошие. От добра добра не ищут.

– Но попробовать то стоит. Ты же не теряешь ничего. Кроме пирожка, который я у тебя прошу. Если мой совет тебе не понравится, угощу тебя ужином из таверны.

– Это ты Пашотские яйца придумал?

– Не придумал. Просто готовлю.

– Угостишь яйцом, если твой совет мне не понравится?

– Угощу. Но я думаю что тебе понравится.

Милёна гостеприимно провела рукой над прилавком.

– Выбирай любой.

– А какой пирожок у тебя самый сытный?

– Сытный? Или вот этот с мясом, или вот этот с сыром и ветчиной.

Кашевар взял один пирожок.

– Спасибо тебе, хозяйка. Буду ждать тебя вечером в таверне.

Повернулся к мальчику, который внимательно наблюдал за их разговором. Протянул ему пирожок.

– Угощайся, малыш. Для того, чтобы получить пирожок не обязательно платить деньги. Можно просто предложить что-то в замен. И если то, что ты предложишь, будет от чистого сердца, то ты никогда не будешь голодным.

Паренёк испуганно смотрел в добродушные глаза Кашевара. Осторожно протянул руку. С опаской, оглядываясь по сторонам, схватил пирожок и убежал.

– И не жалко тебе было... сам-то не попробовал. А тот, гляди, и не оценит, сожрёт и забудет. – удивилась Милёна

– Я и так вижу что он вкусный. А сам я сыт. Пусть мальчонка тоже порадует. – Сказал он и пошёл на выход из рынка. Милёна удивлённо смотрела ему в след, задумчиво качая головой.

После рынка Кашевар пошёл знакомиться с городом. Он уже третий день был в здесь, а города так и не видел толком. Пытался в нём устроится. Нужно исправить это упущение. Он шёл не спеша. Как прогуливался, но при этом внимательно смотрел по сторонам.

Улицы ближе к городским воротам – шумные, пыльные. Народу там много, но все больше хмурые. И, как он заметил и ранее, попрошайек почти нет.

Торговец ругался с покупателем. Кузнец – с подмастерьем. В проулке – драка. Стражник Барона стоял рядом – и улыбался.

Кашевар прошёл мимо. Запомнил лица, звуки, дома, одежду и узоры на ставнях.

В квартале ремесленников – тише. Чисто и бедно. Во дворах – чистота и порядок. Здесь убирают не для глаз, а для себя. Так почти во всех городах, где он был. Кроме Шура. Там ремесленники не ценились. Считались людьми третьего сорта. В городе всё вокруг денег крутилось.

За речкой – дома знати. Каменные стены, железные ворота, в садах – фонтаны. На балконах – шёлковые занавеси.

А у ворот – нищие. Вот они где все. Видимо больше нигде в городе ничем поживиться нельзя.

Кашевар постоял. Посмотрел. Потом пошёл дальше. Он не спрашивал дорогу. Не читал вывески.

Просто пытался почувствовать город как лес. Где шум – там боль. Где тишина – там страх. Где роскошь – там жадность. Ничего нового. Кашевар не один десяток раз видел такое.

Через два часа он вернулся в таверну.

Кассиан кивнул.

– Готов работать?

– Готов!

Лада подняла на него испуганный взгляд от котла с картошкой, которую тыкала ножом, проверяя готовность. Кашевар посмотрел по сторонам. Вся шелуха и очистки не только нигде не валяются, но и ведро с помоями вынесено. Всё что они купили с Кассианом – аккуратно расставлено и разложено.

– Как твоя спина, Лада. Не болит.

– Чуть-чуть ноет, когда вот так делаю – она подняла руки и повернулась, дёрнувшись.

– Скажи мне Лада, только честно, сама мешки с картошкой таскала или Кассиан с Веле-славом тебе помогли?

– Всё сама! Они сюда всё принесли и в угол поставили. В кухне я сама уже переключалась. – она испуганно смотрела на Кашевара, не зная к чему эти вопросы

– Не бойся. Я не буду тебя ругать, за то что ты хочешь сделать, чтобы всё на своих местах лежало. Но вот за то что наказ мой не исполнила, за это ругать буду! Зачем спину нагружала, когда я сказал пару дней тяжёлое не поднимать? Нужно было оставить всё там, где Кассиан положил и меня дожидаться. Или Кассиана попросить помочь!

При этом глаза улыбаются. Лада в начале дёрнулась, как от удара, но увидев взгляд успокоилась.

– Больше не буду. – и тут же. – Я почистила лук и картошку. Картошка почти сварилась. Что дальше делать нужно?

– А теперь мы будем с тобой варить мыло! Где говяжий жир? Говоришь на ледник отнесла? Не бережёшь ты себя. Ладно, чего уж там. Сам принесу.

Кашевар спустился в ледник, забрал жир, рыбу, петуха и поднялся на верх.

– Значит так. Сейчас Берёшь два чугушка. В один до половины золы засыпь, прямо из печки, залей тёплой водой и поставь на край плиты. Пусть по чуть-чуть греется. Даже не булькает. Раз в час перемешивай всё хорошенько. Если угольки и щепки всплывать будут, ложкой вынимай и выкидывай. Жир порезать мелкими кусочками, залить водой и тоже на плиту. Но уже чтобы грелось. Когда жир будет всплывать на поверхность, ложкой его аккуратно снимай и в миску отдельно клади. Так.. Куда ты хлеб чёрствый положила? Ага. Вижу. Теперь смотри внимательно. – Кашевар взял буханку, положил на стол боком и сильным быстрым движением отрезал верхушку. – Берёшь буханку без верхней корки и всё из неё выгребаешь. Прямо ложкой. Если тяжело будет – можешь ножом немного помочь. Но самое главное – нужно всё выгрести так, чтобы осталось тонкая корка и чтобы её не сломать и не проткнуть. Всю середину можешь пока в чистый мешок сложить. Потом этим займёмся. Всё поняла?

– Да. Я всё поняла и всё сделаю, как ты говоришь. Не буду больше своевольничать.

Да... Запугали девушку. Своего мнения совсем нет. Нужно её будет чуть-чуть растормошить. Но не будем торопиться.

– Я тебе сейчас с десяток буханок подготовлю. Занимайся тем, что сказал, а я пока буду обед готовить.

Работа кипела. Лада, потихоньку привыкая к присутствию Кашевара успокаивалась. Когда она уронила ложку на пол, то вся посерела от страха. Кашевар демонстративно сделал вид, что не заметил

– Эту ложку в раковину брось. Новую возьми.

И продолжил работу. За полчаса до обеда позвал Кассиана.

– Смотри, что я сделал из чёрствого хлеба. Сам реши, по сколько такое блюдо продавать будешь.

Кашевар поставил перед Кассианом буханку, прикрытую сверху хлебной коркой. Аккуратно снял её, чтобы показать, что внутри «царская уха».

– Когда ты будешь есть суп, хлеб размякнет настолько, что его можно будет съесть. Ты сможешь съесть ложку супа и отломить кусочек хлеба. Но пусть Агнешка с Иренкой будут готовы к тому, что гости по-первости будут много отрывать и суп проливать. Вытирать чаще нужно будет. А вот Элиане работы будет меньше. Посуду мыть не придётся. Для любого гостя такое блюдо будет не только в новинку, но ещё и очень необычно. И ты смело сможешь его

продавать за сколько хочешь. Я думаю что того, что мы купили на рынке, на пару дней хватит. Потом посчитаешь, сколько ты заработал на чёрством хлебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.